

Учение Маркса о производстве и потреблении

Исаак Ильич Рубин

В марксистской литературе до сих пор отсутствует систематическое изложение и анализ учения Маркса о связи между производством и потреблением. А между тем это учение имеет большое значение для правильного понимания методологических основ всей экономической теории Маркса. До сих пор это учение привлекало внимание не столько марксистов, сколько критиков Маркса, которые с большим однообразием повторяли друг за другом излюбленный аргумент о том, что Маркс игнорирует процесс потребления продуктов и забывает о существовании потребительной стоимости. До каких нелепостей доходили критики в этом пункте, можно убедиться хотя бы на примере Гаммахера. Последний приписывает Марксу «ложную заднюю мысль, что при капитализме естественные свойства товара совершенно не ценятся». И Гаммахер с ученым видом знатока поучает Маркса, что «и в капиталистической системе вещественное качество товара остается решающим»¹.

Подобного рода нелепые упреки объясняются совершенно различным отношением Маркса и его критиков к проблеме потребительной стоимости. Критики, близкие к австрийской школе или «примиряющие» меновую стоимость с потребительной, признают последнюю фактором, определяющим стоимость товара. Не находя у Маркса признания подобной роли за потребительной стоимостью, они делают вывод, что Маркс «игнорирует» процесс потребления. Дальнейшее изложение убедит нас в ложности этого вывода. В многочисленных замечаниях Маркса и Энгельса, — правда, разбросанных в их различных сочинениях и нигде систематически не обработанных, — мы найдем немало материала для правильного понимания процесса потребления, как одного из моментов процесса воспроизводства в целом. В настоящей статье мы намерены дать систематическое изложение и анализ этого материала, не ставя себе задачей исчерпывающую разработку вопроса.

Вопрос о связи между производством и потреблением является пограничным вопросом, интересующим в одинаковой мере и теорию исторического материализма, и экономическую теорию. В соответствии с этим мы находим у Маркса и Энгельса: 1) общее учение о производстве и потреблении, поскольку они составляют необходимые моменты воспроизводства в любой экономической формации; 2) специальное учение о производстве и потреблении в капиталистическом обществе. Первое учение будет изложено нами в I главе, а последнее — во II главе. Наконец, III глава посвящена вопросу о том, в какой мере процесс потребления входит в область исследования политической экономии; в частности, в последней главе большое внимание будет посвящено нами «формальной потребительной стоимости», которая играет в марксовой теории видную роль, но не привлекала к себе внимания исследователей.

Глава I. Общее учение о производстве и потреблении

В настоящей главе мы изложим общее учение Маркса о связи между производством и потреблением, поскольку она имеет место в различных экономических формациях, а не только в капиталистическом обществе. Мы располагаем это изложение в хронологическом порядке, начиная с ранних подготовительных работ Маркса для «Святого семейства» (1844 г.), опубликованных Д. Б. Рязановым в III томе «Архива к. Маркса и Ф. Энгельса». После анализа этой работы мы переходим к «Немецкой идеологии» (зима 1845—1846 гг.), чтобы закончить эту главу «Введением к Критике политической экономии» (1858 г.), где общее учение Маркса о связи между производством и потреблением получило свою наиболее законченную формулировку.

1) Подготовительные работы для «Святого семейства»

В третьей книге «Архива» Д. Б. Рязановым опубликованы ранние подготовительные работы для «Святого семейства»², написанные Марксом в 1844 г.

В этот период Маркс интересовался еще преимущественно проблемами философии, права и государства. Но в тесном переплетении с ними выступают уже, — в виде отдельных замечаний или более длинных рассуждений, — также вопросы, относящиеся к теоретической экономии. Именно потому, что в ранних работах Маркса экономический материал еще не обособился от материала философского и историко-социологического, анализ его

¹Hammacher. Das philosophisch-oekonomische System des Marxismus. Leipzig, 1909. S. 545.

²Перепечатаны в третьем томе Собрания сочинений к. Маркса и Ф. Энгельса, изданном в 1929 году.

представляет значительные трудности, но вместе с тем и огромный интерес. Наряду с интереснейшими замечаниями о разделении труда, связи разделения труда с частной собственностью и т. д., мы в названной выше работе находим зародыш того учения о связи между производством и потреблением, которое впоследствии было дальше развито Марксом в его «Введении к Критике политической экономии» и других сочинениях.

В 1843—1844 гг. на Маркса оказали значительное влияние философские сочинения Фейербаха. Но, как справедливо отметил Д. Б. Рязанов, «Маркс, усвоив себе антропологию Фейербаха, в отличие от последнего, сохраняет и дальше развивает все революционные элементы гегелевской диалектики»³. Правильность этого замечания подтверждается и разбираемыми ниже рассуждениями Маркса о человеческих потребностях. Они могли быть формулированы Марксом лишь на основе органической переработки тех идей, которые он нашел как у Гегеля, так и у Фейербаха.

Идея единства человеческих потребностей и предметов, необходимых для их удовлетворения, ярко выражена у Гегеля⁴. Но она носит у него идеалистический характер, так как человек рассматривается как чисто духовное «самосознание», а предмет — как нечто созданное самим духом в акте его «отрешения» от самого себя и потому обладающее лишь кажущейся самостоятельностью по отношению к субъекту. Последний сознает, что внешний предмет есть лишь продукт акта отрешения самосознания, есть «нечто, принадлежащее к его собственной сущности и вместе с тем недостающее ему». Субъект видит во внешнем предмете «свою собственную односторонность» и вместе с тем знает, что предмет «содержит в себе возможность удовлетворения желания, что предмет, следовательно, соответствует желанию, которое именно поэтому и возбуждается им». Отсюда возникает для субъекта необходимость удовлетворить свое желание путем уничтожения (потребления) внешнего предмета и таким образом доказать мнимый характер самостоятельности последнего и его действительную идентичность с самим субъектом. «Посредством удовлетворения желания существующая в себе идентичность субъекта и объекта становится положенною (gesetzt), односторонность субъективности и кажущаяся самостоятельность объекта уничтожаются».

Основную идею этих рассуждений Гегеля Болланд, известный комментатор его сочинений, выразил в следующем кратком примечании: «Удовлетворение желаний на деле доказывает существенное единство противоположенных», т. е. субъекта и объекта. Это единство носит у Гегеля идеалистический характер: объект есть лишь инобытие субъекта, а последний представляет собой чисто духовную сущность самосознания. Несмотря на этот идеалистический характер концепции Гегеля, в ней отмечен ряд интересных моментов, получивших впоследствии дальнейшее развитие у Фейербаха и Маркса. Таковы: испытываемое субъектом чувство односторонности и «нужды» во внешнем предмете; роль последнего как необходимого дополнения к сущности самого субъекта; соответствие внешнего предмета желаниям, удовлетворяемым при его помощи; и, наконец, в качестве общей философской основы всех этих моментов, учение о единстве субъекта и объекта, — истолкованное, правда, в идеалистическом духе.

В материалистическом духе переработал учение о потребностях Фейербах. Мы приведем две характерные для него цитаты, взятые как раз из тех его сочинений, которые в этот период произвели на Маркса наибольшее впечатление. В своих «Предварительных тезисах к реформе философии» (1843 г.) Фейербах писал: «Только существо, имеющее в чем-нибудь нужду, есть необходимое существо. Существование без потребностей есть ненужное существование... Божественно только существо, страдающее от неудовлетворения потребностей. Существо, неспособное испытывать лишения, это — существо без сущности. Но ведь существо, не испытывающее страданий неудовлетворенных потребностей, есть не что иное, как существо без чувственности, без материи»⁵.

Если у Гегеля человек испытывает нужду во внешнем предмете потому, что последний порожден творческим актом «отрешения» чисто духовной сущности самого человека, его «самосознания», то у Фейербаха нужда во внешнем предмете вытекает именно из чувственной, материальной природы человека. Нематериальный, чисто духовный человек, вопреки мнению Гегеля, ни в каких внешних предметах не нуждался бы.

Еще резче заостряет Фейербах свою мысль против Гегеля в следующем своем сочинении — «Основы философии будущего» (1843 г.): «Только чувственное существо нуждается в вещах вне себя для того, чтобы существовать. Для дыхания я нуждаюсь в воздухе, для питья — в воде, для того, чтобы видеть — в свете, для питания мне нужна растительная и животная пища, но для мышления, по крайней мере непосредственно, мне не нужно ничего... Существо, которое дышит, неизбежно относится к какой-то сущности вне себя, имеет вне себя свой необходимый предмет, при помощи и посредством которого оно есть то, что есть»⁶.

В 1844 г., когда Маркс писал свои подготовительные работы для «Святого семейства», он, опираясь на философию Фейербаха, вел решительную борьбу против идеалистических взглядов Гегеля. Отсюда понятно, что и в своих рассуждениях о потребностях и потреблении он в этой ранней работе прежде всего делает, по примеру Фейербаха, сильный упор на чувственную природу человека. Он пишет: «Человек является непосредственно природным

³ Д. Б. Рязанов. От «Рейнской газеты» до «Святого семейства». («Архив к. Маркса и Ф. Энгельса», т. III, стр. 133.)

⁴ См. Hegel. Phänomenologie des Geistes, 1921, S. 120—122. Подробнее о том же: Hegel. Encyclopadie der philosophischen Wissenschaften, herausgegeben von Bolland, Leiden 1900: S. 911—915. Нижеследующие цитаты взяты нами из последнего издания (стр. 913).

⁵ Фейербах, Сочинения, т. I, изд. Института к. Маркса и Ф. Энгельса, стр. 67.

⁶ Фейербах, Сочинения, т. I, изд. Института к. Маркса и Ф. Энгельса, стр. 80.

существом. В качестве природного существа, притом живого природного существа, он отчасти наделен естественными силами, жизненными силами, является деятельным природным существом; эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей, в виде инстинктов; отчасти же, в качестве естественного, телесного, чувственного, предметного существа, он, подобно животным и растениям, является страдающим, обусловленным и ограниченным существом, т. е. предметы его инстинктов существуют вне него как независимые от него предметы; но эти предметы суть предметы, служащие для удовлетворения его потребностей; это необходимые, существенные для утверждения и осуществления его существенных сил предметы... Быть предметным, естественным, чувственным, это — все равно, что иметь вне себя предмет, природу, чувство или быть самому предметом, природой, чувством для некоторого третьего существа. Голод есть естественная потребность; поэтому для его удовлетворения и утоления ему необходима природа вне его, предмет вне его. Голод, это — предметная потребность одного тела в другом, находящемся вне его, необходимом для его дополнения и проявления его жизни предмете... Существо, не имеющее вне себя своей природы, не есть естественное существо, оно не причастно к сущности природы. Существо, не имеющее никакого предмета вне себя, не есть предметное существо»⁷.

Читатель легко заметит сходство этих слов Маркса с приведенными выше цитатами из сочинений Фейербаха. Подобно Фейербаху, Маркс делает исходным пунктом своих рассуждений чувственный характер человека, объясняющий неразрывную связь его с природой. «Чувственность (см. Фейербах) должна быть основой всякой науки», — пишет Маркс (стр. 629), и на этой основе он воздвигает свое учение о потребностях. Именно из чувственной природы человека Маркс, по примеру Фейербаха, выводит теснейшую связь человеческих потребностей и предметов, служащих для их удовлетворения. Как природное существо, человек нуждается в предметах природы, находящихся вне его; но, с другой стороны, эти предметы служат именно для удовлетворения потребностей человека, для дополнения и проявления его жизни.

Если бы Маркс ограничился выяснением чувственно-пассивной природы человека, он не вышел бы из круга идей, намеченного Фейербахом. Но, как указал Д. В. Рязанов в цитированных выше словах, Маркс даже в период своего увлечения Фейербахом «сохраняет и дальше развивает все революционные элементы гегелевской диалектики». И подтверждение этому мы находим также в учении Маркса о потребностях и потреблении. Уже в разбираемой нами ранней работе Маркса человек выступает не только как пассивное существо, испытывающее потребность во внешних предметах, но и как активно действующее, исторически изменяющееся и общественное существо.

Уже в цитированных выше словах Маркс с самого же начала характеризует природу человека с ее двойственной, активно-пассивной стороны. Человек не только пассивное существо, страдающее от неудовлетворения своих потребностей, но и активное существо, наделенное «естественными силами», которые проявляются в его деятельности. Если у Гегеля активная сторона человека сводилась к абстрактному, чисто духовному акту деятельности «самосознания», то Маркс ставит на ее место «содержательную, живую, чувственную конкретную деятельность самоопредмечивания» (стр. 650), т. е. трудовую деятельность. Но в своей трудовой деятельности человек выступает уже не только как природное, но и как общественное существо: «Деятельность труда и дух, как по своему содержанию, так и по способу возникновения, общественны: это — общественная деятельность и общественный дух» (стр. 623). Из общественной природы человека вытекает его исторически изменяющаяся природа: «Вся история есть не что иное, как образование человека человеческим трудом» (стр. 632).

Как видим, Маркс, хотя и взял исходным пунктом своих рассуждений «естественного» человека Фейербаха, не остановился на нем. От естественного человека он перешел к общественному, активно действующему и исторически изменяющемуся человеку. Именно в применении к общественному человеку он развил дальше свои ценные мысли о связи между производством и потреблением.

В обществе проявляется с наибольшей силой уже намеченная выше связь между потребностями людей и предметами, которые служат для их удовлетворения. В обществе все предметы выступают уже не в том виде, в каком они даны непосредственно самой природой, они уже не являются природными предметами, они созданы самим человеком. Они представляют собой проявление его жизненных сил, овеществленное проявление самой природы человека. «Поскольку повсюду для человека в обществе предметная действительность становится действительностью человеческих сущностных сил, становится человеческой действительностью, а значит и действительностью собственных его существенных сил, постольку для него все предметы становятся опредмечиванием его самого, утверждающими и осуществляющими его индивидуальность предметами» (стр. 627). Сами предметы выступают как очеловеченные, т. е. как результат человеческой деятельности, как проявление человеческих сил.

Но деятельность человека изменяет не только внешние предметы, на которые она непосредственно направлена, она изменяет и самые чувства человека, его потребности. «Только музыка пробуждает музыкальные чувства человека» (стр. 627). «Чувства общественного человека иные, чем у необщественного; только благодаря (предметно) объективно развернутому богатству человеческой сущности получается богатство субъективной человеческой чувственности, получается музыкальное ухо, глаз, умеющий понимать красоту формы, — словом, отчасти впер-

⁷Маркс. Подготовительные работы для «Святого семейства». Собрание сочинений к. Маркса, и Ф. Энгельса, т. III. стр. 642—643. В дальнейшем цитируется это же издание.

вые порождаются, отчасти развиваются человеческие, способные наслаждаться чувства, чувства, которые утверждаются как человеческие существенные силы» (стр. 627). Только наличие объективно развернутого богатства человеческой сущности, т. е. разнообразного мира предметов, порожденных человеческой деятельностью, делает возможным развитие и утончение человеческих потребностей, человеческих чувств. Таким образом происходит одновременно процесс очеловечения как мира предметов, окружающих человека, так и чувств (потребностей) самого человека, и этот процесс является результатом активной деятельности человека, которая, в свою очередь, служит проявлением жизненных сил, заложенных в человеческой природе.

По-видимому, ход мыслей Маркса таков: активная природа человека проявляет себя в активной деятельности, а следовательно, и в предметах, созданных при ее помощи. Эти предметы, созданные для удовлетворения человеческих потребностей, в свою очередь воздействуют на человека, обогащая его чувства и потребности. Именно потому, что активная деятельность человека преобразует одновременно и предметы внешнего мира, и потребности самого человека, получается полное соответствие между человеческими потребностями и предметами, служащими для их удовлетворения. Потребности и предметы это — не два ряда явлений, чуждых друг другу и внешне воздействующих друг на друга. Мы наблюдаем взаимное проникновение этих рядов явлений, так как предметы созданы человеческой деятельностью именно для удовлетворения потребностей, а последние в свою очередь могут развиваться и обогащаться только под воздействием окружающего и созданного человеком мира предметов. Уже здесь Марксом ярко намечена мысль о диалектической связи и взаимопроникновении потребностей человека и предметов, служащих для их удовлетворения. Уже в этой ранней работе он преодолел широко распространенный взгляд, что потребности и предметы связаны между собой лишь внешней связью. Уже здесь он преодолел заблуждение буржуазных экономистов, которые в своих рассуждениях исходят из наличия человеческих потребностей, которые они рассматривают как нечто наперед данное вне связи с процессом производства и порожденным им миром предметов, а затем уже рассматривают предметы как внешние средства для удовлетворения этих данных потребностей. Достаточно указать, что все учение австрийской школы о потребностях основано именно на таком чисто механическом представлении о связи между потребностями и предметами. Нечего говорить, что такое же представление лежало в основе утилитаристической теории Бентама и следовавших за ним в этом вопросе экономистов рикардианской школы. Маркс презрительно отзывался уже в разбираемой нами работе об этой утилитаристической и гедонистической психологии, которая рассматривает явления «под углом зрения внешнего отношения полезности», для которой все «богатство человеческого творчества выражается лишь в таких словах, как «потребность, общая потребность» (стр. 628—629). Дальнейшую и более подробную критику этой утилитаристической психологии Маркс дал в своей работе против Штирнера, впервые опубликованной Д. Б. Рязановым в IV томе «Архива к. Маркса и Ф. Энгельса» (стр. 275—279).

Понимание диалектической связи между потребностями и внешними предметами открывало перед Марксом широкие возможности правильного истолкования законов развития человеческих потребностей. Действительно, уже в цитируемой нами работе мы находим зародыши мысли о том, что весь процесс развития человеческих чувств и потребностей является результатом развития самой человеческой деятельности. «Образование пяти чувств, это — продукт всей всемирной истории. Чувства, находящиеся в плену грубой практической потребности, обладают только ограниченным смыслом. Для изголодавшегося человека не существует человеческой формы пищи, а существует только ее абстрактное бытие как пищи: она могла бы с таким же успехом иметь самую грубую форму, и невозможно сказать, чем отличается этот способ удовлетворения потребности в пище от животного способа удовлетворения ее» (Маркс и Энгельс, Собр. сочин., т. III, стр. 627—628). Здесь Марксом намечена та мысль, что даже, поскольку речь идет о потребности в пище, корнящейся в физической природе человека, сама эта потребность изменяется и приобретает различные формы в ходе исторического развития, т. е. является продуктом истории. (Дальнейшее развитие той же мысли, опять-таки на примере голода, Маркс дал в своем «Введении к Критике политической экономии», о чем смотри ниже.)

Дальше Маркс дает еще более точную формулу развития потребностей. Так как потребности развиваются и обогащаются только вместе с обогащением мира предметов, окружающих человека, а мир предметов создан человеческим трудом, или промышленностью, то последнее объяснение процесса изменения человеческих потребностей мы должны искать в процессе развития промышленности. В истории промышленности должны мы найти объяснение процесса развития и усложнения человеческих чувств и потребностей. «История промышленности и возникшее предметное бытие промышленности есть раскрытая книга человеческих сущностных сил, чувственно предлежащая перед нами человеческая психология» (стр. 628). Промышленность есть «экзотерическая форма раскрытия человеческих сущностных сил» (стр. 629).

Изложенные нами рассуждения Маркса в его подготовительных работах для «Святого семейства» уже содержат в себе зародыши плодотворных мыслей о связи между производством и потреблением. Потребности не противопоставляются механически внешним предметам, а рассматриваются в неразрывной связи с последними. Самый процесс развития человеческих потребностей рассматривается как процесс исторический, протекающий в зависимости от развития промышленности, т. е. активной человеческой деятельности, человеческого труда. Тем не менее, в изложенных рассуждениях Маркса проявляются еще некоторые недостатки, объясняемые, быть может, влиянием фейербаховской философии. Маркс начинает свои рассуждения со ссылки на сущностные силы чело-

века, которые находят, свое проявление в деятельности, порождающей разнообразный мир предметов. Процесс одновременного и параллельного обогащения мира предметов и человеческих потребностей рассматривается как проявление сущностных сил человека, как раскрытие задатков, существовавших — хотя бы и в неразвитой форме — в природе человека. Кроме того, хотя Маркс уже подчеркивает значение активной, практической деятельности, все же в качестве причины вызывающей изменение человеческих потребностей, у него выступает не столько сама активная деятельность человека в процессе производства, сколько восприятие предметов, порожденных этой деятельностью.

До сих пор мы изложили мысли Маркса об общих законах развития потребностей. Можно предполагать, что условия для описанного обогащения человеческих чувств и потребностей, могут, по мнению Маркса, существовать полностью только в социалистическом обществе. Нарисованная картина «естественного» развития человеческих чувств и потребностей под влиянием возрастающего разнообразия и обогащения мира предметов мыслилась Марксом как идеал, который найдет свое полное осуществление в социалистическом обществе (прямое указание на этот счет мы находим на страницах 626 и 654). В качестве антитезы этой картине роста человеческих потребностей Маркс нарисовал нам то положение дел, которое имеет место в буржуазном хозяйстве.

Обратимся к анализу потребностей и потребления в буржуазном хозяйстве. Маркс не делает еще различия между простым товарным хозяйством и капиталистическим, но мы в его рассуждениях постараемся отделить те черты, которые присущи всякому товарному хозяйству, от особенностей, характерных именно для капиталистического хозяйства. Маркс дает следующую характеристику буржуазного общества: «Общество, каким оно является для политико-эконома, это — гражданское общество, где каждый индивид представляет собой сумму потребностей и существует только для другого человека, как другой существует только для него, поскольку они оказываются друг для друга средствами» (стр. 665). Эту часто встречающуюся, у Маркса характеристику буржуазного общества он развивает более подробно в «Святом семействе»: «Так как потребность одного индивидуума не имеет для другого эгоистического индивидуума, обладающего средством для удовлетворения этой потребности, никакого самого по себе понятного смысла, т. е. не находится ни в какой непосредственной связи с самим удовлетворением, то каждый индивидуум должен создать эту связь, становясь, в то же время сводником между чужой потребностью и предметами этой потребности»⁸.

Легко убедиться, что здесь Маркс имеет в виду особенность, характерную для всякого товарного хозяйства: каждый индивид может удовлетворить свои потребности лишь посредством, удовлетворения чужих потребностей. Эта особенность процесса удовлетворения человеческих потребностей в товарном хозяйстве была отмечена еще Адамом Смитом, который писал во II главе своего «Богатства народов»: «Человек почти всегда нуждается в помощи своих ближних, но напрасно он стал бы надеяться на их доброе к себе расположение. Гораздо вернее достигает он своей цели, если обращается к их эгоизму и умеет убедить их, что в их собственных интересах сделать для него то, чего он просит у них». Вероятно, под влиянием Смита взаимозависимость членов «гражданского общества» в удовлетворении их потребностей отметил и Гегель⁹.

Ту же мысль Маркс выразил в приведенных нами выше словах, характеризующих основную особенность процесса удовлетворения потребностей в товарном хозяйстве. Впоследствии Маркс в «Критике политической экономии» развил эту мысль о том, что в товарном хозяйстве удовлетворение потребностей производителя возможно только через посредство обмена. Из этой мысли он извлек целый ряд важнейших и интересных выводов о противоречии между потребительной и меновой стоимостью. Но в разбираемой нами ранней работе Маркс еще не занимается анализом простого товарного хозяйства. Он отметил взаимозависимость товаропроизводителей в удовлетворении их потребностей лишь для того, чтобы сейчас же перейти к капиталистическому хозяйству и вскрыть все присущие ему неисправимые пороки. К этому он переходит в отрывке, напечатанном Д. В. Рязановым в тех же подготовительных работах под заглавием «Потребности, производство и разделение труда».

Маркс начинает этот отрывок со следующего рассуждения. Раз товаропроизводитель может удовлетворить свои потребности, лишь предварительно удовлетворив потребности другого индивида, то он заинтересован в том, чтобы искусственно вызывать у последнего разного рода потребности. «Всякий человек спекулирует на том, чтобы создать новую потребность для другого человека, чтобы толкнуть его на новую жертву, чтобы поставить его в новую зависимость и склонить его к новому способу наслаждения, а значит, и экономического разорения. Всякий стремится поставить другого человека в зависимость от чужой существенной силы, чтобы найти в этом удовлетворение своей собственной своекорыстной потребности»¹⁰. Результатом этого является искусственное возбуждение утонченных, неестественных и мнимых вожделений, фантазий, причуд и прихотей. «Ни один евнух не льстит более низким образом своему деспоту и не старается возбудить более гнусными способами его притупившиеся чувства, чтобы снискать себе его милость, чем это делает евнух промышленности, производитель, гонимый за серебряными монетами, желая выманить из кармана горячо любимого ближнего денежки». «Он приспособляется к извращеннейшим его фантазиям, берет на себя роль сводника между ним и его потребностью, вызывает в нем

⁸ Маркс, Собрание сочинений, т. III, стр. 149.

⁹ «Философия права», § 192.

¹⁰ Маркс, Собрание сочинений, т. III, стр. 654.

патологические желания, подстерегает всякую слабость его, чтобы затем потребовать награду за удовлетворение ее» (стр. 655). Отсюда рост утонченных потребностей, прихоти богачей, погоня за предметами роскоши, расточительное потребление.

Легко показать, что Маркс здесь незаметно делает переход от простого товарного хозяйства к капиталистическому. Из того факта, что каждый товаропроизводитель может удовлетворить свои потребности только посредством обмена, он делает вывод о необходимости для продавцов искусственного возбуждения у покупателей потребности в предметах роскоши. Но само собой очевидно, что последняя может иметь место только в классовом обществе, где имущие классы присваивают себе большую массу прибавочного труда. Почва для расточительной роскоши создается именно эксплуатацией одного класса другим, а не является результатом искусственного возбуждения продавцами потребностей у покупателей, как доказывал еще в этой ранней работе Маркс.

Большой интерес к проблеме роскоши и расточительности, который в своих ранних работах проявляли Маркс и Энгельс, объясняется прежде всего влиянием на них произведений утопических социалистов, которые в роскоши и расточительности праздных богачей видели один из главных пороков капиталистического общества. Отчасти интерес Маркса к проблеме роскоши объясняется также тем, что этот вопрос служил предметом горячих споров между двумя группами экономистов классической школы. Экономисты, являвшиеся представителями землевладельческого дворянства (Мальтус, Лодердэл и др.), доказывали, что расточительный образ жизни землевладельцев, потребляющих значительное количество предметов роскоши, создает рынок для капиталистической промышленности. Экономисты, являвшиеся представителями промышленной буржуазии (Рикардо, Сэй и др.), в противоположность первым, доказывали весь вред непроизводительного потребления праздных землевладельцев и рекомендовали бережливость, которая содействует накоплению новых капиталов и расширению производства. В разбираемой нами ранней работе Маркс подробно останавливается на этом споре между сторонниками роскоши и сторонниками бережливости и доказывает ложность позиции обеих сторон. Первые экономисты ошибаются, выдавая расточительность непосредственно за средство обогащения, но и другая сторона «лицемерно не хочет признать, что именно прихоть и капризы определяют производство. Она забывает «утонченные потребности», она забывает, что без потребления не было бы производства, она забывает, что производство становится благодаря конкуренции только более разносторонним и более направленным на предметы роскоши; она забывает, что согласно ей, потребление определяет стоимость вещи, а мода определяет потребление» (стр. 658).

Мы видим, что Маркс находится здесь еще под влиянием аргументации, развитой в спорах о роскоши, с одной стороны, утопическими социалистами, а с другой — Мальтусом и его сторонниками. Маркс придает еще решающее значение утонченным потребностям богачей, их прихотям и капризам, преувеличивая значение их для процесса капиталистического производства в целом. Он ссылается даже на мнение экономистов, что «потребление определяет стоимость вещи», вероятно имея в виду соответствующее учение Сэя. Такое же мнение о влиянии прихотей богачей на стоимость продуктов было высказано Энгельсом в его ранней статье «Очерки критики политической экономии», в которой он писал, что «полезность зависит от случая, от моды, от прихоти богатых»¹¹.

Если мы оставим в стороне преувеличенное значение, которое Маркс придает непроизводительному потреблению богачей, мы должны отметить одну очень ценную черту в этих его ранних рассуждениях. Он с самого начала ставит всю проблему потребления на классовую точку зрения: он характеризует потребление отдельных классов, составляющих капиталистическое общество, и тщательно отмечает основные черты, присущие каждому из них. Описанный расточительный образ жизни Маркс рассматривает как характерную черту землевладельческого класса; что же касается промышленной буржуазии, то она, напротив, обнаруживает трезвый, прозаический образ мыслей. Правда, промышленник, как мы уже видели выше, искусственно возбуждает потребности покупателей и тем самым, содействует потреблению предметов роскоши. Но в дальнейшем ходе своего развития промышленная буржуазия активно выступает против роскоши и расточительности землевладельцев (стр. 663). «Разумеется, и промышленный капиталист потребляет и наслаждается. Он вовсе не возвращается к неестественной простоте потребностей, но его потребление и наслаждение, это — нечто только побочное, дело отдыха, подчиненное производству; при этом оно рассчитанное, т. е. тоже экономическое, наслаждение, ибо капиталист относит свое наслаждение к издержкам капитала, и оно, значит, должно стоить ему лишь столько, что потраченное им может быть восстановлено с лихвой путем воспроизводства капитала. Таким образом, наслаждение подчиняется капиталу, наслаждающийся индивид подчиняется капитализирующему индивиду, между тем как прежде имело место обратное» (стр. 564). Здесь Марксом опять ярко отмечен классовый характер потребления, различные специфические черты, присущие потреблению промышленных капиталистов и отличающие его от потребления землевладельцев¹².

Однако, если различный характер потребления разных классов ярко выступает уже там, где речь идет о землевладельцах и промышленных капиталистах, то еще резче проявляется классовый характер потребления, когда речь идет о противоположности между имущими классами и рабочими. Капиталистическое общество одновременно «на одной стороне порождает утонченность потребностей и средств, служащих для их удовлетворения, а на другой

¹¹ Маркс и Энгельс, Собрание сочинений, т. II, стр. 302.

¹² Это же противопоставление потребления промышленных капиталистов и землевладельцев Маркс повторяет в «Капитале», т. I, стр. 468. См. цитированную выше статью Д. Б. Рязанова, стр. 141.

стороне — оскотинение и совершенно грубое, абстрактное упрощение потребностей» (стр. 655). Маркс в ярких красках, по примеру других социалистов, рисует тот низкий уровень и то упрощение потребностей, до которого рабочий доведен в капиталистическом обществе. В применении к рабочему не только перестает действовать тот процесс постепенного обогащения потребностей человека, который был обрисован Марксом выше в применении к обществу, лишенному классовых различий: в капиталистическом хозяйстве не удовлетворяются даже чисто физические, или естественные, потребности, которые рабочий ощущает в силу своей физической природы. «Даже потребность в чистом, вольном воздухе перестает быть у рабочего потребностью... Свет, воздух и т. д., простейшая, присущая даже животным чистота перестают быть потребностью для человека. Грязь, этот признак падения и деградации человека, нечистоты (это надо понимать буквально) цивилизации становятся элементом его жизни. Полная неестественная запущенность, гниющая природа становится элементом его жизни. Ни одно из его чувств не существует более не только в человеческом виде, но и в нечеловеческом и поэтому даже не в животном виде» (стр. 656—656). Если раньше мы проследили процесс постепенного обогащения и очеловечения чувств и потребностей, то теперь мы наблюдаем обратный процесс деградации человеческих потребностей до уровня животных потребностей и даже ниже этого уровня. Маркс иллюстрирует этот процесс опять на примере питания. «Человек лишается не только человеческих потребностей, но он утрачивает животные потребности. Ирландец знает лишь потребность еды, и притом только картофельной еды, и, вдобавок, только худшего сорта картофеля» (стр. 656).

Но потребление рабочих рассматривается Марксом не только как яркая антитеза потреблению расточительных богачей, он подчеркивает не только их резкую противоположность, но и неразрывную связь между ними. И здесь сказывается плодотворность диалектического метода, которым Маркс оперировал во всех своих работах. Расточительное потребление богачей и скудное потребление рабочих составляют две стороны одного и того же капиталистического хозяйства, они друг друга дополняют и взаимно обуславливают. «Умножение потребностей и средств для их удовлетворения порождает отсутствие потребностей и соответствующих средств» (стр. 657). Промышленная буржуазия извлекает выгоду как из расточительности землевладельцев, так и из грубых потребностей рабочих. «Грубая потребность рабочих, это — гораздо более выгодный источник барыша, чем утонченная потребность богача. Подвальные помещения в Лондоне приносят своим хозяевам больше, чем дворцы, т. е. они являются для них большим богатством, и, значит, выражаясь на языке политической экономии, они являются большим общественным богатством. Промышленность, спекулируя на утонченности потребностей, точно так же спекулирует на грубости их, на искусственно вызванной грубости» (стр. 659). Уже здесь Маркс отмечает, что для капиталистического производства огромное значение имеет не только потребление предметов роскоши имущими классами, но и массовое потребление простых продуктов рабочими. Однако, как мы видели выше, роль роскоши молодым Марксом, как и другими ранними социалистами, все еще преувеличивается. Впоследствии, в «Нищете философии», Маркс выдвинул на первый план значение предметов массового потребления.

Как видим, подготовительные работы для «Святого семейства» содержат ряд интересных рассуждений Маркса как о законах развития человеческих потребностей вообще, так, в частности, о характере потребления в капиталистическом хозяйстве. Что касается первой части, то Маркс подчеркивает исторически изменчивый характер потребностей человека и неразрывную связь процесса развития потребностей с самим процессом развития активной деятельности человека, выражающейся в процессе производства. Во второй части, в своих рассуждениях о капиталистическом хозяйстве, Маркс ярко рисует классовый характер потребления и отмечает специфические черты, присущие потреблению землевладельцев, промышленных капиталистов и рабочих. В этом отношении Маркс уже в своих ранних заметках стоит выше многих современных буржуазных экономистов, которые умудряются рассуждать о «потребителях», не проводя прежде всего резкой границы между потребителями-рабочими и потребителями-капиталистами. Однако приведенные рассуждения Маркса о потреблении различных классов не связаны еще с анализом капиталистического процесса производства в его целом; это — отдельные замечания скорее социологического и публицистического характера, чем экономического. Вторым недостатком этих рассуждений о капиталистическом хозяйстве является то, что они не связаны с предыдущими рассуждениями о закономерности развития человеческих потребностей вообще. Второй отрывок, в котором Маркс рисует потребление в капиталистическом обществе, представляет собой, скорее, не продолжение и развитие мыслей, изложенных в первом отрывке, а их антитезу. В первом отрывке речь идет об обогащении человеческих потребностей, во втором — об их огрубении. В первом отрывке речь идет об очеловечении чувств и потребностей, во втором случае они лишаются своего человеческого характера (при этом не только для голодающего рабочего, но и для расточительных богачей, как отмечает Маркс на страницах 665 и 663. В первом отрывке речь идет о «естественном» процессе обогащения человеческих потребностей в обществе, лишенном классовых различий, во втором отрывке изображается «противоестественный» характер потребления как рабочих, так и богачей в капиталистическом обществе.

2) Немецкая идеология

Дальнейший ход развития мыслей Маркса шел по тем же двум направлениям, которые мы отметили уже в подготовительных работах к «Святому семейству». С одной стороны, Маркс должен был подробнее и точнее формулировать свои взгляды на общие законы развития человеческих потребностей; с другой стороны, проблему потребления в капиталистическом хозяйстве он должен был связать с анализом процесса капиталистического про-

изводства в его целом. Первую задачу Маркс выполнил в «Немецкой идеологии» и в своем «Введении к Критике политической экономии». Над выполнением второй задачи он работал в «Нищете философии» и в «Капитале». Для ясности изложения мы в дальнейшем разделим обе эти проблемы и, прежде всего, остановимся на учении Маркса о закономерности развития человеческих потребностей, поскольку эта закономерность имеет силу для любой формации общества. Как раз этому вопросу посвящен ряд интересных замечаний Маркса в «Немецкой идеологии», написанной зимой 1845—1846 гг. и напечатанной Д. Б. Рязановым в I томе «Архива к. Маркса и Ф. Энгельса». В данном вопросе, как и в других, Маркс сделал в «Немецкой идеологии» значительный шаг вперед по сравнению с подготовительными работами к «Святому семейству». Это вполне понятно, так как именно в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс дали первый широкий набросок своей теории исторического материализма. Вопрос о развитии человеческих потребностей составляет часть теории исторического материализма, и потому вполне естественно, что в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс дали более точную формулировку своих мыслей о развитии потребностей и потребления.

Если в подготовительных работах к «Святому семейству» Маркс исходил из человека как природного существа, то и в «Немецкой идеологии» он принимает за исходный пункт существование индивидов, отличающихся определенной физической природой. «Первым, требующим констатирования, фактом является телесная организация этих индивидов и данная этим связь их с остальной природой» (стр. 214. Цитируем здесь и в дальнейшем по указанному первому тому «Архива», изд. 1924 г.). В силу своей физической природы люди имеют определенные потребности в пище, жилище и т. п. «Люди, должны быть в состоянии жить, чтобы иметь возможность делать историю»¹³. Но для жизни прежде всего нужны еда и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Таким образом, первым историческим делом является производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни» (стр. 219). Здесь Маркс ярко подчеркивает решающую роль производства для всей человеческой жизни, в то время как в подготовительных работах к «Святому семейству» он чаще пользовался более туманным термином «человеческая деятельность». Это подчеркивание роли процесса производства сразу же дало Марксу возможность правильно поставить вопрос о закономерности развития потребностей. Связь между развитием производства и ростом потребностей Маркс рисует следующим образом на странице 219, имеющей большое значение для нашей темы. Вначале Маркс¹⁴ написал следующие слова: «Приобретенная легкость удовлетворения первых потребностей сейчас же порождает новые потребности»; но эти слова были Марксом зачеркнуты и заменены следующими: «Удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и приобретенное уже орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим делом» (стр. 219).

На первый взгляд может показаться, что нет большого различия между первоначально зачеркнутой редакцией фразы и ее окончательной редакцией; на самом деле разница между ними значительная. В первоначально набросанной фразе Маркс (или Энгельс) еще не порвал окончательно с широко распространенным ходячим представлением о так называемой безграничности человеческих потребностей. Согласно этому представлению, до сих пор широко распространенному в буржуазной политической экономии, потребности человека сами по себе безграничны, и лишь от наличия внешних средств зависит, какая именно часть этих потребностей будет фактически удовлетворена. Совокупность потребностей принимается за нечто первично данное и само по себе совершенно независимое от наличия средств для их удовлетворения. Внешние предметы выступают лишь в роли средств для удовлетворения заранее данных потребностей. Ввиду безграничного характера потребностей удовлетворение одной части их немедленно вызывает на сцену действие других потребностей, следующих за ними по степени интенсивности. Механическое противопоставление неограниченных потребностей и ограниченного мира внешних средств их удовлетворения, отрыв потребностей от процесса производства — таковы отличительные черты этой концепции¹⁵. Уже рассуждения Маркса о диалектической связи между потребностями и внешними предметами, изложенные им в подготовительных работах к «Святому семейству», исключали для него возможность верить в фикцию безграничного мира потребностей, существующих независимо от развития самого процесса производства. И действительно, в новой редакции фразы Маркс дал совершенно другую концепцию развития потребностей: речь идет уже не о проявлении потребностей, которые сами по себе существовали (хотя и не могли фактически быть удовлетворяемы) совершенно независимо от данного процесса производства; речь идет о том, что самый процесс производства вызывает новые потребности. Происходит процесс «порождения новых потребностей», и этот процесс является результатом развития процесса производительной деятельности человека. В частности, Маркс уже отмечает

¹³ К этим словам Маркс сделал внизу примечание: «История. Гегель. Геологические, гидрогеографические и другие условия человеческой жизни. Потребность. Труд» (стр. 219, выделение наше. — *И. Р.*). И здесь мы видим следы влияния, которое на Маркса оказало учение Гегеля о потребностях.

¹⁴ Возможно, что цитируемые слова были написаны Энгельсом. Этот вопрос мы оставляем здесь в стороне.

¹⁵ В какой мере эта концепция еще поныне разделяется буржуазными экономистами, можно показать на многочисленных примерах. Приведем слова Готтль-Оттлиенфельда: «В конечном счете в наших потребностях проявляется наша **воля** (Wollen); воле же принципиально не поставлены границы. Воле противостоит наша **сила** (Können), которая измеряется как раз степенью нашей власти над средствами удовлетворения (потребностей); но всякая сила принципиально ограничена, так как в противном случае она была бы всемогуществом. Ограниченная сила и неограниченная воля. Это неизбежно ведет к конфликту» (Gottl-Öttlilienfeld, Wirtschaft und Technik. Grundriss der Sozialökonomik. II. Abt., 1914, S. 208). Слова Готтля ярко показывают, что в основе учения о безграничности человеческих потребностей лежит идеалистическая концепция безграничного человеческого духа.

здесь огромную роль, которую играет появление новых орудий производства. Развитие орудий производства играет революционизирующую роль не только в процессе производительной деятельности человека, но и в процессе развития самих человеческих потребностей.

В «Немецкой идеологии» диалектическая связь производства и потребностей выяснена уже более правильно, чем в подготовительных работах к «Святому семейству». Если в более раннем сочинении Маркса уже подчеркнуто значение активной деятельности человека, то в более позднем сочинении это понятие заменено более определенным понятием производства материальной жизни. Если в первом сочинении Маркс уже говорил о воздействии человека на природу, то теперь посредствующим звеном между человеком и природой является орудие труда, и подчеркивается огромное значение орудия труда как в процессе развития производительной деятельности человека, так и в процессе развития человеческих потребностей. Наконец, если в более раннем сочинении Маркса, наряду с правильным пониманием исторического характера процесса изменения потребностей, встречаются ссылки на заложенные в природе человека задатки, то теперь проблема изменения самой человеческой природы ставится уже с большей силой и определенностью.

Несмотря на правильную постановку в «Немецкой идеологии» проблемы связи между производством и потреблением, эта проблема требовала еще своей дальнейшей разработки. Только в своей окончательной формулировке теории исторического материализма и, в частности, в своей экономической теории, изложенной в трех томах «Капитала», Маркс дал ряд более конкретных указаний на законы развития потребностей. В «Немецкой идеологии» вопрос еще не был достаточно разработан; поэтому вполне понятно, что, наряду с общей правильной формулой зависимости развития потребностей от развития производительной деятельности человека, мы встречаем также повторение ходячих и распространенных взглядов о зависимости изменения потребностей от роста народонаселения. В одном месте Маркс говорит, что «умножившиеся потребности порождают новые общественные отношения, а размножившееся население порождает новые потребности» (стр. 220). В другом месте читаем, что в основе увеличения производительности труда и роста потребностей лежит рост населения (стр. 221). Для объяснения расцвета ткачества в эпоху раннего капитализма Маркс ссылается на спрос на ткань для одежды, возрастающий вместе с ростом населения (стр. 237). Наряду с ростом населения, в качестве фактора, определяющего, уровень потребностей, упоминается Марксом также и состояние культуры. Он говорит о более грубых или развитых потребностях, обусловленных данной ступенью культуры (стр. 236).

«Немецкая идеология» представляет собой сочинение одновременно социологическое и историческое; с одной стороны, Маркс и Энгельс намечают здесь общие основы теории исторического материализма, с другой стороны — на основе этой теории они пытаются набросать картину экономического и социально-политического развития Европы от средних веков до эпохи капитализма. Понятно поэтому, что, наряду с изложенными общими рассуждениями о связи между производством и потреблением, мы находим ряд отдельных метких замечаний об особенностях процесса потребления в капиталистическом хозяйстве. Мы находим интересное замечание, что в капиталистическом обществе, основанном на разделении труда, дана уже возможность того, что «наслаждение и труд, производство и потребление достаются различным индивидам». В дальнейшем, как мы увидим, Маркс часто возвращается к этой мысли об обособлении потребления от производства в товарном и особенно в капиталистическом хозяйстве. Далее Маркс отмечает, что появление и рост городов означает «концентрацию потребностей» (стр. 234), — факт, действительно характеризующий процесс потребления в капиталистическом обществе. Мы находим также указание, что потребность в предметах роскоши возрастает под влиянием увеличивающегося накопления капитала и расширения торговли (стр. 237). Здесь мы имеем уже более реалистическое и исторически правильное объяснение возрастающей потребности в предметах роскоши, чем в подготовительных работах к «Святому семейству».

3) «Введение к Критике политической экономии»

В наиболее полном виде учение Маркса о взаимоотношении между производством и потреблением изложено им в «Введении к Критике политической экономии». Здесь Маркс специально обсуждает вопрос о взаимоотношении между различными моментами процесса воспроизводства в целом, т. е. между производством в тесном смысле слова, потреблением, распределением и обменом. Специально вопросу о взаимоотношении между производством и потреблением Маркс посвящает несколько интереснейших страниц, составляющих небольшой раздел. Как увидим, в этом разделе речь идет об особенностях процесса потребления не только в капиталистическом хозяйстве, а обсуждается более общий вопрос о связи между производством и потреблением вообще. Маркс указывает, что связь эта бывает тройкого рода. Эти три вида связи между производством и потреблением мы можем кратко обозначить как 1) непосредственное тождество, 2) внешнюю противоположность и 3) взаимное проникновение.

Прежде всего мы замечаем непосредственное тождество между производством и потреблением. Каждый акт производства вместе с тем непосредственно является и актом потребления как самой рабочей силы, так и средств производства (сырья, машин и пр.). С другой стороны, каждый акт потребления представляет собой воспроизводство рабочей силы человека, т. е. акт производства рабочей силы. Мы можем оба акта (производство и потребление) рассматривать как производство. Первый акт представляет собой производство вещей, второй акт — производство рабочей силы человека. Но с таким же правом мы можем оба акта рассматривать как потребление. В первом

акте потребляются рабочая сила и средства производства, во втором акте — средства потребления, необходимые для воспроизводства рабочей силы. «Производство, таким образом, является непосредственно потреблением, потребление — непосредственно производством. Каждое непосредственно заключает в себе свою противоположность»¹⁶.

Однако отмеченное нами непосредственное тождество производства с потреблением ни в малейшей мере не исключает их противоположности, ибо нельзя закрывать глаза на то, что в одном случае мы имеем производство предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей, в другом же случае мы имеем производство рабочей силы, т. е. потребление тех самых предметов, которые были ранее изготовлены. В первой стадии рабочая сила человека в процессе производительной деятельности создает вещи, во второй стадии вещи, потребляемые человеком, воспроизводят его рабочую силу. Каждый из этих актов исключает другой акт. В акте производства не имеет места то потребление средств существования, которое необходимо для восстановления израсходованной рабочей силы; с другой стороны, в акте потребления вещи отнюдь не производятся, а затрачиваются и уничтожаются. Следовательно, наряду с непосредственным тождеством производства и потребления существует также их непосредственная противоположность, противоположность между производством в тесном смысле слова и потреблением в тесном смысле слова, как между двумя взаимно исключаящими друг друга актами. «Непосредственное единство, в котором производство совпадает с потреблением и потребление с производством, не уничтожает их непосредственную раздвоенность» (стр. 24).

Противоположность актов производства и потребления не означает полного отсутствия связи между ними. Они связаны между собой, но лишь как два чуждых друг другу и внешних акта. Между ними происходит «посредствующее» движение; каждый из этих актов является посредствующим по отношению к другому, т. е. служит для него внешним средством. Действительно, потребление не может существовать без производства, ибо в этом случае отсутствовал бы предмет или объект, который мог бы быть потреблен. Но, с другой стороны, без потребления самый акт производства был бы бесцельным. Правда, предмет мог бы быть произведен, но, если он не поступает в потребление, он является простым предметом природы, а не продуктом; продуктом он является только потому, что служит целям потребления.

Итак, мы обнаружили связь между производством и потреблением; «каждое из них является средством для другого и совершается с его помощью, в чем и выражается их взаимная зависимость» (стр. 27). Однако эта зависимость носит внешний характер; она связывает два чуждых друг другу и внешних друг для друга явления. «Это — движение, в котором они вступают в отношения друг к другу, являясь как необходимое условие одно для другого, но оставаясь еще внешними по отношению друг к другу» (стр. 27).

До сих пор мы рассматривали сперва непосредственное тождество производства и потребления, а затем их непосредственную противоположность. Но если мы глубже рассмотрим связь между ними, мы откроем, что оба они в сущности представляют собой лишь два акта одного и того же процесса воспроизводства. Каждый акт необходимо переходит в другой и в то же время заключает в себе последний (но не непосредственно заключает в себе, как это было в первом случае, а заключает в себе как момент противоположный). Если мы будем рассматривать акт производства не как изолированный акт, а как закономерно и правильно повторяющийся процесс, то мы убедимся, что первый его момент, — производство в тесном смысле, — необходимо должен перейти во второй момент — потребление в тесном смысле. Производство не может начаться снова, пока продукт не будет потреблен и не будет восстановлена рабочая сила, затраченная в процессе производства. Только потребление, восстанавливая рабочую силу, создает возможность повторения процесса производства; вместе с тем оно же создает и необходимость такого повторения, так как с уничтожением продукта становится невозможным дальнейшее потребление и требуется новый процесс производства. Производство необходимо вызывает потребление, которое, в свою очередь, делает необходимым возвращение к производству. Потребление, делая необходимым последующий акт производства, вместе с тем гарантирует повторение акта потребления. «Каждое из них, совершаясь, создает другое, создает себя как другое» (стр. 27. Каутский поставил здесь вопросительный знак, но нет сомнения, что Маркс имел в виду употребить именно данную терминологию). В этой необходимости возвращения обнаруживается, что производство в тесном смысле и потребление в тесном смысле представляют собой лишь два подчиненных момента единого процесса воспроизводства.

Необходимый переход одного момента в другой дополняется их взаимным проникновением. Каждый из моментов заключает в себе другой, но здесь речь идет уже не о непосредственном тождестве их, как это было в первом случае, а имеет место опосредствованное тождество. Каждый из обоих моментов, не переставая отличаться от другого, в то же время содержит в себе последний. Потребление проникает в производство, производство проникает в потребление.

Проникновение потребления в производство заключается в том, что уже в самом акте производства принимается во внимание последующее потребление, и предмет производится специально для целей потребления. Прежде

¹⁶ Маркс, К критике политической экономии. Институт к. Маркса и Ф. Энгельса, Госиздат, М.-Л. 1929 стр. 24. Далее цитируем по тому же изданию.

еще, чем предмет произведен, он уже существует идеально в уме производителя «как внутренний образ, как потребность, как импульс и как цель» (стр. 26.) «Потребление порождает производство, создавая потребность в новом производстве, т. е. вызывая идеальный, внутренний, побуждающий мотив производства, который является его предпосылкой. Потребление создает импульс к производству, оно создает также и предмет, который в качестве цели определяющим образом влияет на производство» (стр. 25). Производство заранее направлено к определенной цели, к созданию определенного предмета, служащего для потребления. Эта особенность человеческого труда отмечена Марксом и в «Капитале»: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже перед началом этого процесса имелся идеально, т. е. в представлении работника»¹⁷.

Если потребление проникает в производство и влияет на него, то и обратно — производство проникает в потребление и определяет его характер. Самый способ потребления определяется способом производства. «Производство создает для потребления не только предмет, — оно дает потреблению его определенность, его характер, его законченность» (стр. 26). Самый характер потребления изменяется в зависимости от изменения процесса производства и характера тех продуктов, которые являются его результатом. «Предмет не есть предмет вообще, а определенный предмет, который должен быть потреблен определенным способом, опять-таки предугазанным производством. Голод есть голод, однако голод, который удовлетворяется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это — иной голод, чем тот, который заставляет проглатывать сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов. Не только предмет потребления, но также и способ потребления порождается поэтому производством, не только объективно, но также и субъективно. Производство, таким образом, создает потребителя» (стр. 26). Здесь мы встречаем тот же пример голода, к которому Маркс прибегал уже в своих вступительных работах к «Святому семейству». И там он отличал человеческую форму голода от животного способа удовлетворения потребности в пище; здесь он еще яснее подчеркивает исторически изменчивый характер даже тех потребностей, которые коренятся непосредственно в физической природе человека. Под влиянием изменения процесса производства изменяется характер потребности в пище и способ ее удовлетворения. Поскольку речь идет не о потреблении вообще, а об **определенном** способе потребления (например, вареного мяса с помощью ножа и вилки), то этот определенный способ потребления уже является результатом определенного состояния производства и, следовательно, включает в себе последнее как свое условие.

Производство вызывает не только определенный характер потребности и потребления, оно вызывает и совершенно новые потребности. Экономисты привыкли оперировать широким и неопределенным понятием потребности в пище, одежде и т. д. На деле же речь идет не только о потребности в пище вообще, но и о потребности в конкретных предметах, которыми члены данного общества и данного класса обычно удовлетворяют свою потребность в пище. Но потребность в определенных предметах не есть нечто заранее данное, а вызывается восприятием самих этих предметов. Уже во вступительных работах к «Святому семейству» Маркс говорил, что самое развитие человеческой деятельности вызывает развитие человеческих чувств, что только музыка пробуждает музыкальные чувства человека; эти мысли он развивает далее в разбираемом нами произведении. Сама потребность исходит от предмета. «Потребность, которую оно [потребление] в нем ощущает, создается его восприятием. Предмет искусства, — а также всякий другой продукт, — создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство производит поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета. Производство поэтому создает потребление: 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) тем, что возбуждает в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт. Оно порождает поэтому предмет потребления, способ потребления и импульс потребления» (стр. 26).

Легко заметить, что изложенные рассуждения Маркса о производстве и потреблении расположены по схеме, напоминающей диалектическую триаду. Сперва Маркс рассматривает непосредственное единство или тождество производства и потребления, затем он переходит к их противоположности, чтобы на третьей стадии рассуждений доказать единство этих противоположностей или взаимопроникновение производства и потребления. На второй стадии рассуждения производство и потребление рассматриваются как внешние друг для друга явления, каждое из которых служит внешним средством для другого. На третьей же стадии производство и потребление рассматриваются уже с точки зрения закона единства и взаимопроникновения противоположностей.

Ошибочно думать, что эта схема употребляется здесь Марксом из любви к гегелевским схемам. Маркс пользуется гегелевскими схемами лишь тогда, когда они представляют собой отражение реальной действительности. И нельзя отрицать, что в реальной действительности связь между производством и потреблением встречается во всех трех формах, в которых она рассматривается Марксом: и как непосредственное тождество производства и потребления, и как их внешнее взаимодействие, и как их внутреннее единство и взаимопроникновение.

Еще интереснее то обстоятельство, что Маркс в своей изложенной нами триаде старался не только отразить реальную действительность, но и показать, что мысль экономистов, погруженная в анализ капиталистической действи-

¹⁷ «Капитал», т. I, 1929, стр. 120.

тельности, останавливалась то на одном, то на другом члене этой триады. Он указывает, что непосредственное тождество производства и потребления привлекало к себе внимание экономистов, которые рассматривали его в своих исследованиях о производительном труде и производительном потреблении (стр. 26—27). Далее, внешнее взаимодействие также привлекало к себе, по словам Маркса, внимание экономистов: «Без производства нет потребления, без потребления нет производства, — это положение фигурирует в экономике в различных формах» (стр. 27). Наконец, Маркс отмечает, что и третий тип связи между производством и потреблением, а именно взаимопроникновение их, также не оставалось вне поля зрения экономистов: «Эта последняя, указанная под цифрой 3 идентичность многократно разъясняется в политической экономике в отношении спроса и предложения, предметов и потребностей, потребностей естественных и созданных обществом» (стр. 27—28). Но в то время как до Маркса экономисты ограничивались отдельными замечаниями о связи между производством и потреблением и обычно представляли ее себе в одностороннем виде, мы у Маркса на нескольких страницах «Введения к Критике политической экономики» находим синтетическое понимание связи производства и потребления как моментов единого процесса воспроизводства.

Исходя из изложенных рассуждений, Маркс исследует не только единство производства и потребления, но и их различия и противоположность. «Результат, к которому мы пришли, заключается не в том, что производство, распределение, обмен и потребление — одно и то же, но что все они образуют собой части целого, различия внутри единства. Производство превалирует как над самим собой в противоположности всех определений производства, так и над всеми другими моментами. С него каждый раз начинается снова процесс» (стр. 35). Единство производства и потребления не исключает того, что движущим моментом всего процесса воспроизводства является именно производство, а не потребление. «Что обмен и потребление не имеют господствующего значения, — это ясно само собой» (стр. 35). «Производство является действительным исходным пунктом, а потому и господствующим моментом. Потребление, в качестве нужды или потребности, само является внутренним моментом производительной деятельности; однако последняя есть исходный пункт реализации, а поэтому и ее господствующий момент — факт, в котором весь процесс снова повторяется сначала. Индивид производит предмет и через его потребление возвращается опять к самому себе, но к себе как производящему и воспроизводящему себя самого индивиду. Потребление, таким образом, является моментом производства» (стр. 28). Это учение о примате производства над потреблением является необходимым выводом из всего изложенного выше учения Маркса о потреблении. Потребление представляет собой пассивное восприятие предметов, созданных человеческой деятельностью, последняя же представляет собой активный творческий момент и именно в силу своего активного характера является движущим моментом всей общественной жизни. Не только удовлетворение потребностей поставлено в зависимость от производства, но и сама потребность, как мы видели выше, вызывается определенным деятельным проявлением сил человека и восприятием тех внешних предметов, которые созданы этой творческой деятельностью. Поэтому вся общественная жизнь рассматривается Марксом как единый процесс активной человеческой деятельности, как процесс воспроизводства человеческой жизни, в котором потребление является одним из посредствующих моментов.

Мы подробно изложили рассуждения Маркса во «Введении к Критике политической экономики». В этой работе Маркс подвел итоги своему учению о связи между производством и потреблением, поскольку она имеет место в любой формации хозяйства. Большинство изложенных здесь рассуждений Маркса применимо одинаково и к капиталистическому, и к феодальному хозяйству, и даже к хозяйству единичного субъекта. «Если рассматривать производство и потребление как деятельность единого ли субъекта или отдельных индивидов, во всяком случае они выступают как моменты процесса, в котором производство является действительным исходным пунктом, а потому и господствующим моментом» (стр. 28). Маркс тут же указывает, что изложенные законы связи между производством и потреблением приобретают значительно более сложный вид, поскольку речь идет уже не об отдельном индивиде, а обо всем обществе. «Но в обществе отношение производителя к продукту, поскольку он уже изготовлен, чисто внешнее, и возвращение продукта к субъекту зависит от отношения последнего к другим индивидам. Он не вступает в непосредственное владение продуктом. Точно так же, если он производит в обществе, то непосредственное присвоение продукта не составляет его цели. Между производителем и продуктом встает распределение, которое при помощи общественных законов определяет долю производителя в мире продуктов; оно становится, следовательно, между производством и потреблением» (стр. 28). Если в любой общественной формации связь между производством и потреблением усложняется благодаря тому, что между ними становится распределение, то особенно сложный вид она приобретает в капиталистическом обществе. Здесь понимание этой связи становится невозможным без анализа обмена и распределения, без анализа всей классовой структуры капиталистического общества.

Глава II. Производство и потребление в товарно-капиталистическом хозяйстве

В товарно-капиталистическом хозяйстве связь между производством и потреблением значительно усложняется. Поскольку речь идет о товарном хозяйстве вообще, посредствующее место между производством и потреблением занимает **обмен**: товар должен пройти через сферу обмена, чтобы попасть в сферу потребления. Поскольку же речь идет не только о товарном, но и о капиталистическом хозяйстве, решающее влияние на процесс потребления

приобретает специфическая классовая структура капиталистического общества с соответствующим ей **распределением** доходов между разными общественными классами. Эти усложненные формы связи между производством и потреблением будут нами рассмотрены во 2-м и 3-м разделах настоящей главы. В 1-м же разделе мы даем сводку замечаний Маркса о переходе от натурального хозяйства к товарно-капиталистическому с постепенным усилением роли меновой стоимости как движущей цели процесса производства.

1) Потребительная стоимость и меновая стоимость как движущая цель процесса производства

В товарном хозяйстве продукт лишь через свое отчуждение становится потребительной стоимостью для своего владельца. Это значит, что товаропроизводитель заинтересован непосредственно не в качествах своего продукта как потребительной стоимости, а в величине его меновой стоимости. На этом основано общее противопоставление двух типов хозяйства: в некоторых общественных формациях преобладающее значение имеет потребительная стоимость продукта, в других — меновая стоимость. Наиболее ярким примером первого хозяйства является чисто натуральное хозяйство первобытных народов, совершенно не знающих обмена; наиболее ярким примером второго типа хозяйства является развитое капиталистическое производство.

Противопоставление обоих этих типов хозяйства мы часто встречаем у Маркса, но наряду с этим мы у него находим указания, на целый ряд промежуточных типов хозяйства, которые представляют собой постепенный переход от чисто натурального к капиталистическому хозяйству.

В чисто натуральном хозяйстве мы имеем полное господство потребительной стоимости; например, весь процесс производства патриархальной семьи, совершенно не знающей обмена, направлен непосредственно на удовлетворение потребностей ее членов. Первую брешь в этом натуральном хозяйстве пробивает появление какого-нибудь продукта в количестве, превышающем непосредственные потребности данного хозяйства¹⁸. На почве географического разделения труда в различных общинах разные продукты производятся в количестве, превышающем потребности членов данной общины. На этой почве возникает первоначальный обмен между различными общинами, и данный продукт, будучи непосредственной потребительной стоимостью для членов общины, вместе с тем частично превращается в товар для внешнего обмена. Но, так как данный продукт производится преимущественно для собственного потребления, он еще не является товаром до акта обмена, а становится им лишь в самом акте обмена¹⁹. Эту стадию обмена мы можем характеризовать как обмен излишками производства, когда продукт лишь начинает превращаться в товар и становится товаром лишь в самом акте обмена.

Следующая стадия обмена начинается с того момента, когда часть продуктов начинает уже производиться специально для обмена. «Потребность в чужих предметах потребления мало-помалу укрепляется. Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для обмена. С этого момента закрепляется разделение между полезностью вещи для непосредственного потребления и полезностью ее для обмена. Ее потребительная стоимость отделяется от ее меновой стоимости»²⁰.

Пока обмен носит еще характер натурального обмена, т. е. непосредственного обмена продуктами, отделение меновой стоимости от потребительной носит еще скрытый характер: продукт в своей натуральной форме служит одновременно и потребительной, и меновой стоимостью. «Обмениваемый предмет еще не получает никакой формы стоимости, независимой от его собственной потребительной стоимости или от индивидуальных потребностей обменивающихся лиц»²¹. Характер товара, как меновой стоимости, не получает своего полного развития, так как товар еще не обладает способностью обмениваться на любой другой продукт общественного труда. Меновая стоимость товара получает самостоятельную форму лишь с возникновением денег и выделением их из всего мира остальных товаров.

Если производство избыточного продукта вызвало появление обмена, то дальнейшее развитие торговли, в свою очередь, «благоприятствует созданию избыточного продукта, предназначенного войти в обмен для того, чтобы увеличить потребление или сокровища производителей (под которыми здесь следует понимать собственников продуктов); следовательно, он придает производству характер производства, все более имеющего своей целью меновую стоимость»²². «Торговля будет оказывать большее или меньшее влияние на те общества, между которыми она ведется; производство она все более и более будет подчинять меновой стоимости, потому что наслаждение и потребление она ставит в большую зависимость от продажи, чем от непосредственного потребления продукта. Этим она разлагает старые отношения. Она увеличивает денежное обращение. Она захватывает уже не только избыток продуктов, но мало-помалу начинает поедать и самое производство и ставить в зависимость от себя целые отрасли производства. Однако это разлагающее влияние в значительной степени зависит от природы производяще-

¹⁸ «Капитал», т. I, стр. 44.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 44—45.

²¹ Там же.

²² «Капитал», т. III, ч. 1-я, стр. 251.

го общества»²³. В обществах, в которых отсутствовали условия для развития капитализма, значительно развитый денежный обмен существовал наряду с различными формами натурального хозяйства (патриархальная семья, рабовладельческое хозяйство, феодальное поместье). Поэтому, с одной стороны, развитие торговли все больше придавало хозяйству характер производства, имеющего своей целью меновую стоимость, но, наряду с этим, главной целью хозяйства все еще оставалось производство потребительной стоимости. «Денежное и товарное обращение может обслуживать сферы производства самых разнообразных организаций, которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительной стоимости»²⁴.

Мы обрисовали несколько стадий развития производства и обмена о постепенном усилении роли меновой стоимости: чисто натуральное хозяйство, случайный обмен излишков, производство части продуктов специально для обмена, постепенное увеличение этой части за счет части, предназначенной для непосредственного потребления. Можно сказать, что на описанных стадиях развития между потребительной стоимостью и меновой стоимостью происходит борьба за роль движущей цели или побудительного мотива процесса производства. Эта роль выполняется ими одновременно, с постепенным оттеснением роли потребительной стоимости и постепенным усилением роли меновой стоимости. Окончательно этот процесс завершается только в капиталистическом хозяйстве. «В каком размере производство входит в торговлю, проходит через руки купцов, это зависит от способа производства; этот размер достигает своего максимума при полном развитии капиталистического производства, когда продукт производится уже только как товар, а не как предмет непосредственного потребления»²⁵.

Только при развитом капиталистическом производстве мы имеем полное господство меновой стоимости. Однако теоретически мы можем представить себе это господство меновой стоимости и в условиях простого товарного хозяйства, предполагая, что последнее является господствующим типом хозяйства и вытеснило остатки натурального производства. Если мы представим себе общество простых товаропроизводителей (например, ремесленников), которые все свои продукты производят для продажи, мы найдем, что непосредственной целью производства является уже меновая стоимость, а не потребительная. Непосредственная цель простых товаропроизводителей заключается в извлечении из продажи произведенных ими продуктов возможно большей суммы меновой стоимости (денег). Однако, хотя потребительная стоимость уже непосредственно не играет роли движущей цели производства, она продолжает еще выполнять эту роль косвенным образом, через посредство меновой стоимости (денег). Действительно, в предположенном нами обществе ремесленник вырученную им от продажи продукта сумму денег затрачивает на покупку предметов, служащих для удовлетворения его потребностей (конечно, наряду с необходимыми средствами производства). Здесь имеет место товарное обращение по формуле $T — D — T$; деньги служат здесь для ремесленника только средством для получения необходимой ему суммы предметов потребления. Отсюда вытекает то двойственное место, которое занимает простое товарное хозяйство. По сравнению с натуральным хозяйством оно отличается господством меновой стоимости, выполняющей роль движущего мотива самого процесса производства. Но по сравнению с капиталистическим хозяйством оно характеризуется еще производством для удовлетворения (правда, не непосредственного, а косвенного, через посредство денег) личных потребностей самих производителей. Именно с этой точки зрения Маркс резко противопоставляет друг другу две формы кругооборота: $T — D — T$ и $D — T — D$. «Кругооборот $T — D — T$ исходит из того полюса товарного метаморфоза, на котором стоит товар, и заканчивается полюсом, на котором находится другой товар, выходящий из сферы обращения в сферу потребления. Потребление, удовлетворение потребностей, одним словом — потребительная стоимость, есть, таким образом, конечная цель этого кругооборота. Напротив, кругооборот $D — T — D$ берет исходным пунктом денежный полюс и в конце концов возвращается к тому же полюсу. Его движущим мотивом, его определяющей целью является поэтому сама меновая стоимость»²⁶. «Конечная цель продажи ради купли, а также цель возобновления или повторения, этого процесса лежит вне его самого, в потреблении, в удовлетворении определенных потребностей»²⁷. «Простое товарное обращение — продажа ради купли — служит средством для достижения конечного результата, лежащего вне обращения, для присвоения потребительных стоимостей, для удовлетворения потребностей. Напротив, обращение денег в качестве капитала есть самоцель, так как самовозрастание стоимости осуществляется лишь в пределах этого постоянно возобновляющегося движения... Поэтому потребительную стоимость отнюдь нельзя рассматривать как непосредственную цель капиталиста»²⁸.

На первый взгляд может казаться, что Маркс себе противоречит. Раньше он говорил, что развитие торговли все больше придает производству характер производства, имеющего своей целью меновую стоимость. Казалось бы, что при полном господстве простого товарного хозяйства единственной целью производства является уже меновая стоимость, а не потребительная, а между тем Маркс объявляет, что конечной целью кругооборота $T — D — T$ является потребительная стоимость. Это кажущееся противоречие исчезает, если мы вспомним, что речь идет о длительном историческом процессе развития, который начинается с чисто натурального хозяйства и кончается

²³ Там же, стр. 254-255.

²⁴ Там же, стр. 253.

²⁵ Там же, стр. 250-251.

²⁶ «Капитал», т. I, стр. 96.

²⁷ Там же, стр. 97.

²⁸ Там же, стр. 98.

развитым капитализмом. Этот длительный процесс исторического развития характеризуется постепенным вытеснением потребительной стоимости меновой в роли движущего мотива и цели производства. Поэтому вполне понятно, что данная стадия, которая по сравнению с предшествующей обнаруживает усиление господства меновой стоимости, вместе с тем, по сравнению с последующей стадией развития, обнаруживает недостаточное господство меновой стоимости. В частности, такое промежуточное место и занимает простое товарное хозяйство. В последнем роль цели производства **непосредственно** выполняет только меновая стоимость, но **косвенно**, или в последнем счете, производство имеет целью удовлетворение личных потребностей самого производителя. Поэтому во всех трех приведенных нами последних цитатах Маркс говорит, что потребительная стоимость является «конечной» (но не непосредственной) целью кругооборота $T — D — T$.

Маркс резко противопоставляет друг другу две формы кругооборота: $T — D — T$ и $D — T — D$. В различии этих двух форм кругооборота отражается различие простого товарного хозяйства и капиталистического. Верный диалектическому методу, который предписывает нам искать постепенные переходы между противоположными формами явлений, Маркс и в данном случае старается точно проследить переходные формы между обоими кругооборотами. Эти переходные формы Маркс указывает при изучении функций денег как сокровища и платежного средства. В пределах самого товарного обращения $T — D — T$ зарождаются формы, подготовляющие переход к кругообороту $D — T — D$. В кругообороте $T — D — T$ продажа совершается для того, чтобы на вырученные деньги приобрести необходимые предметы потребления. Но, если товаропроизводитель задерживает вырученные от продажи деньги в качестве сокровища, то в этом случае «товар продается не для того, чтобы купить другие товары, а для того, чтобы заместить товарную форму денежной. Из простого посредствующего звена при обмене веществ эта перемена форм становится самоцелью»²⁹. Или, как говорит Маркс в «Критике политической экономии», «меновая стоимость из простой формы становится содержанием движения», т. е. выполняет в зачаточной форме ту роль, которую в более развитом виде она выполняет в кругообороте $D — T — D$. Если кругооборот $T — D — T$ имел своей конечной целью удовлетворение личных потребностей производителя, то задержка денег в качестве сокровища уже требует от товаропроизводителя отказа от удовлетворения его личных потребностей³⁰.

Другую переходную форму между обоими кругооборотами товарного обращения Маркс отмечает при исследовании функции денег как платежного средства. Если товаропроизводитель продает свой продукт для того, чтобы при помощи вырученных денег погасить заключенное им раньше денежное обязательство, потребительная стоимость уже не является конечной целью, совершаемой им продажи. «Деньги уже не обслуживают процесс. Они самостоятельно завершают его как абсолютное бытие меновой стоимости, или как всеобщий товар. Продавец превратил товар в деньги чтобы удовлетворить при помощи последних какую-либо потребность, созидатель сокровищ, — чтобы консервировать товар в денежной форме, должник-покупатель, — чтобы иметь возможность уплатить. Если он не уплатит, его имущество будет подвергнуто принудительной продаже. Следовательно, превращение товара в образ его стоимости, в деньги, становится теперь общественной необходимостью, вынуждаемой у товаропроизводителя независимо от его потребностей и его личных склонностей. Эта необходимость возникает из отношений самого процесса обращения»³¹. Продажа товара в данном случае уже не имеет своей конечной целью удовлетворение потребностей и личных склонностей производителя.

Если при разборе функций денег как сокровища и платежного средства мы заметили дальнейшее вытеснение потребительной стоимости как конечной цели товарного производства и обращения, то окончательно этот процесс завершается, как мы уже видели выше, в кругообороте $D — T — D$. «Кругооборот денежного капитала есть самая односторонняя, а потому и наиболее ярко выраженная и характерная из форм, в которых проявляется кругооборот промышленного капитала; цель и движущий мотив последнего: увеличение стоимости, делание денег и накопление, представлены здесь так... что они прямо бросаются в глаза»³². Этот кругооборот выражает тот факт, что меновая стоимость, а не потребительная стоимость, есть самоцель, определяющая движение, он «с наибольшей наглядностью выражает побудительный мотив капиталистического производства — делание денег. Производственный процесс является лишь необходимым злом, неминуемым средством для делания денег»³³. Если в простом товарном хозяйстве производитель стремился получить путем продажи своего продукта определенную сумму денег лишь для того, чтобы при ее помощи удовлетворить свои личные потребности, то, наоборот, в капиталистическом хозяйстве производство потребительной стоимости служит лишь средством для извлечения прибыли, для возрастания капитала. «Потребительная стоимость при товарном производстве вообще не представляет вещи, которую любят ради нее самой. Потребительные стоимости вообще производятся здесь лишь потому и постольку, что и поскольку они являются материальной основой, носителями меновой стоимости»³⁴. Стремление к безграничному обогащению было присуще и собирателю сокровищ, но, поскольку речь шла о простом товаропроизводителе, который не эксплуатирует чужого труда, это стремление могло осуществиться лишь в ограниченной степени. Широкое поле для своего действия это стремление находит только в обществе, основанном на антагонизме классов и

²⁹ Там же, стр. 78—79.

³⁰ Там же, стр. 81.

³¹ Там же, стр. 84.

³² «Капитал», т. II, стр. 25.

³³ Там же, стр. 23.

³⁴ «Капитал», т. I, стр. 126.

эксплуатации прибавочного труда значительного числа людей³⁵.

Итак, капиталистическое хозяйство резко отличается от того «товарного производства, цель которого — существование производителя»³⁶. Поэтому Маркс всегда резко возражал против вульгарной политической экономии, которая видит «в капиталистическом процессе производства просто производство товаров, потребительных стоимостей, предназначенных для потребления того или иного рода и производимых капиталистом исключительно с той целью, чтобы заменить их товарами иной потребительной стоимости или, как ложно утверждает вульгарная экономия, обменять на эти товары»³⁷. В капиталистическом обществе потребительная стоимость уже не играет той роли косвенной цели производства, которую она играла в простом товарном хозяйстве.

В капиталистическом производстве преобладающее значение имеет меновая стоимость, а не потребительная. Однако и в пределах самого капиталистического хозяйства Маркс, чтобы отметить все диалектические переходы, между разными стадиями процесса, отмечает постепенное усиление роли меновой стоимости за счет потребительной. В этом отношении Маркс проводит различие между простым воспроизводством капитала и расширенным его воспроизводством. При простом воспроизводстве вся масса прибавочной стоимости тратится на удовлетворение личных потребностей класса капиталистов. Хотя процесс производства имеет своей целью возрастание меновой стоимости, т. е. превращение суммы D в сумму $(D+d)$, но вся извлекаемая сумма прибавочной стоимости (d) затрачивается только на удовлетворение личных потребностей капиталистов. Этим объясняется следующее утверждение Маркса: «Простое воспроизводство по существу имеет своей целью потребление, хотя получение прибавочной стоимости и здесь является побудительным мотивом индивидуальных капиталистов; но прибавочная, стоимость — какова бы ни была ее относительная величина — в конце концов должна служить здесь только для индивидуального потребления капиталиста»³⁸. При желании придирчивый критик и здесь мог бы увидеть противоречие в словах Маркса. Раньше Маркс доказывал, что целью капиталистического производства, в отличие от простого товарного хозяйства, является возрастание меновой стоимости, теперь же он говорит, что простое воспроизводство капитала имеет своей целью потребление. Но и на этот раз кажущееся противоречие исчезает при надлежащем понимании диалектического хода мысли Маркса. По сравнению с простым товарным хозяйством, простое воспроизводство капитала знаменует собой дальнейшее усиление роли меновой стоимости за счет потребительной. При переходе же от простого воспроизводства к расширенному мы замечаем дальнейшее усиление роли меновой стоимости.

Приведенные слова Маркса показывают, что мотив личного потребления капиталистов, хотя и не играет господствующей роли в капиталистическом производстве, все же сохраняет известное значение. «Поскольку простое воспроизводство составляет часть, притом самую значительную часть, и всякого годового воспроизводства в расширенном масштабе, этот мотив — личное потребление — остается, выступая в сопровождении мотива и в противоположность мотиву обогащения как такового»³⁹. Но, хотя мотив личного потребления капиталистов сохраняется, он все же постепенно вытесняется мотивом обогащения. Иначе говоря, простое воспроизводство как таковое противоречит самому существу капиталистического хозяйства и необходимо переходит в расширенное воспроизводство; только при последнем размер личного потребления капиталистов становится относительно все меньше по сравнению с накапливаемой частью прибавочной стоимости. Только расширенное воспроизводство представляет собой тот тип хозяйства, в котором господство меновой стоимости достигает полной силы.

Как видим, Маркс рисует сложную картину постепенного усиления роли меновой стоимости за счет потребительной. Мы можем, наметить следующие стадии этого длительного исторического процесса:

- 1) **Чисто натуральное** хозяйство, характеризующееся полным господством потребительной стоимости.
- 2) Случайный обмен **избыточных** продуктов. Роль движущей цели производства выполняет еще потребительная стоимость, меновая стоимость только зарождается.

³⁵Как известно, капитал не изобрел прибавочного труда; эксплуатация прибавочного труда существовала и ранее, но лишь при господстве товарного производства она приняла специфический характер стремления к безграничному возрастанию меновой стоимости. Маркс показывает, как изменялся характер эксплуатации прибавочного труда по мере перехода от натурального хозяйства к товарному. «Если в какой-нибудь общественно-экономической формации преобладающее значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из самого характера соответственного производства не вытекает безграничная потребность в прибавочном труде» («Капитал», т. I, стр. 165). Развитие денежного хозяйства и торговли изменяет характер эксплуатации прибавочного труда. В условиях рабского хозяйства оно приводит «к превращению патриархальной системы рабства, рассчитанной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости» («Капитал», т. III, ч. I-я, стр. 256). Особенно жестокие формы принимает эксплуатация труда рабов в тех условиях, где дело идет о добычании меновой стоимости в ее самостоятельной, денежной форме, а именно в производстве золота и серебра («Капитал», т. I, стр. 165). В условиях феодального хозяйства возможность продажи продукта на рынке вызывает усиленную погоню феодала за барщинным трудом подвластных ему крестьян (там же, стр. 166). Наконец, в капиталистическом хозяйстве жажда прибавочного труда проявляется в стремлении к безмерному удлинению рабочего дня.

³⁶«Капитал», т. II, стр. 37.

³⁷Там же, стр. 32.

³⁸Там же, стр. 297.

³⁹Там же.

- 3) **Часть** продукта производится **преднамеренно для обмена**; роль цели производства выполняют одновременно потребительная стоимость и меновая стоимость. Относительная сила их зависит от относительного размера производства, предназначенного для собственного потребления, и производства, предназначенного на рынок.
- 4) **Простое товарное хозяйство**, в котором все продукты производятся для продажи. Роль цели производства выполняет непосредственно меновая стоимость, но косвенно производство имеет целью удовлетворение личных потребностей товаропроизводителя.
- 5) **Переходные** формы от простого товарного хозяйства к капиталистическому (сокровище и платежное средство). Продажа продукта уже не имеет целью удовлетворение личных потребностей товаропроизводителя.
- 6) **Капиталистическое** хозяйство в форме **простого** воспроизводства. Целью производства является возрастание меновой стоимости или извлечение прибавочной стоимости, но полученная сумма прибавочной стоимости целиком затрачивается на удовлетворение личных потребностей капиталиста.
- 7) **Капиталистическое** хозяйство в форме **расширенного** воспроизводства, при котором подучаемая прибавочная стоимость накапливается как капитал, и лишь небольшая и все уменьшающаяся часть ее затрачивается на удовлетворение личных потребностей капиталиста.

2) Противоречие между потребительной и меновой⁴⁰ стоимостью

В I главе связь между производством и потреблением рассматривалась нами в той общей форме, которую она имеет в любой экономической формации. Теперь мы переходим к исследованию связи между производством и потреблением в товарном хозяйстве и начинаем анализ с особенностей простого товарного хозяйства, или общества простых товаропроизводителей. Характерной чертой его является обособление производства от потребления, — обособление, которое развивается вместе с развитием самого товарного хозяйства. В натуральном хозяйстве продукт является потребительной стоимостью для самого производителя; на дальнейшей стадии развития продукты, произведенные в избыточном количестве и потому не нужные для удовлетворения потребностей их владельца, вступают в обмен. Появляется зародышевая форма стоимости; начинается процесс превращения потребительных стоимостей в товары. Если обмен носит еще натуральный характер, обмениваемые продукты представляют собой еще непосредственно потребительные стоимости, хотя каждый из них является потребительной стоимостью не для своего владельца. Наконец, когда продукты производятся уже специально для продажи на неопределенный рынок, происходит окончательное обособление меновой стоимости от потребительной. Все продукты производятся теперь как товары, для продажи, а не для удовлетворения потребностей самих производителей. С другой стороны, все необходимые ему продукты производитель получает уже при помощи обмена. Продукт становится товаром, который обладает двойственной природой, — как потребительная стоимость и как меновая стоимость.

Эту двойственную природу товара Маркс анализирует на первых страницах «Критики политической экономии» и «Капитала». Путем анализа Маркс разлагает единый товар на две стороны, каждую из которых он рассматривает отдельно. Он вкратце на первых двух страницах рассматривает потребительную стоимость товара, чтобы после этого заняться подробным анализом другой стороны товара, его стоимости. Здесь Маркс **аналитическим** путем изучает **различие** обеих сторон товара, но после этого аналитического рассечения товара Маркс переходит к синтетическому исследованию действительного процесса обмена, в котором товары выступают одновременно как потребительные стоимости и как меновые стоимости. Необходимость перехода от изолированного рассмотрения отдельных сторон товара к синтетическому рассмотрению движения товара как целого подчеркивается Марксом в «Критике» и в «Капитале». «До сих пор товар рассматривался с двух точек зрения: как потребительная стоимость и как меновая стоимость, каждый раз с односторонней точки зрения. Однако в качестве товара он есть непосредственно **единство** потребительной стоимости и меновой стоимости»⁴¹. Раз от изолированного изучения потребительной стоимости и меновой стоимости мы переходим к изучению условий их совместного существования в одном товаре, мы приходим к вопросу о противоречии между стоимостью и потребительной стоимостью. «Товар есть **непосредственное единство потребительной стоимости и меновой стоимости**, т. е. двух противоположностей. Он есть поэтому непосредственное **противоречие**. Это противоречие должно развиваться, раз товар уже не рассматривается, как до сих пор, аналитически, то с точки зрения потребительной стоимости, то с точки зрения меновой стоимости, а как целое действительно отнесен к другим товарам. Но **действительное** отношение товаров друг к другу есть **процесс их обмена**»⁴². От различия потребительной стоимости и меновой стоимости Маркс переходит к их противоположности (внутри единства — товара).

Учение Маркса о противоречии между потребительной стоимостью и меновой стоимостью представляет большие трудности для понимания и вызывало особенно резкие нападки со стороны критиков. Последние утверждали, что

⁴⁰ Здесь и всюду в дальнейшем меновая стоимость употребляется нами в том же смысле, как и термин «стоимость».

⁴¹ «Критика», стр. 77.

⁴² «Капитал», В. I, 1-е немецкое издание 1867 г., стр. 44.

Маркс занимается здесь метафизическими рассуждениями, не имеющими отношения к реальной действительности. На самом же деле это учение Маркса отражает реальные процессы товарного хозяйства. Проблема, которая стояла здесь перед Марксом, может быть выражена следующими словами: в какой мере видоизменяется природа потребительной стоимости и меновой стоимости под влиянием их совместного существования в одном товаре? Если до сих пор изолированное изучение этих двух сторон товара открывало нам природу каждой из них, то теперь возникает вопрос о возможности одновременного совместного существования в товаре обеих этих сторон в той форме, в которой мы нашли их при изолированном их рассмотрении. И Маркс приходит к выводу, что совместное существование в товаре двух его сторон накладывает на каждую из них особую специфическую печать, что наличие каждой из этих сторон как бы ограничивает другую сторону и не дает ей непосредственно проявиться во всем богатстве тех определений, которые мы констатировали при изолированном рассмотрении каждой из этих сторон.

Маркс начинает свое рассуждение с потребительной стоимости. Мы знаем, что каждый товар является прежде всего потребительной стоимостью. Но если мы вспомним, что товар является также и меновой стоимостью, то мы увидим, что последняя его сторона ограничивает характер его как потребительной стоимости, не дает ему возможности выступать непосредственно в роли потребительной стоимости. Действительно, раз продукт произведен для продажи, он не является непосредственной потребительной стоимостью для своего владельца. Но вместе с тем он не является еще непосредственной потребительной стоимостью и для других лиц, так как он еще не находится в их руках. Только посредством перехода из рук в руки, т. е. посредством обмена, товар может стать потребительной стоимостью для других лиц, а тем самым и для своего владельца, ибо последний только путем обмена своего продукта может получить другие продукты, необходимые для удовлетворения его потребностей. Итак, «товар **есть** потребительная стоимость, например пшеница, холст, алмаз, машина и т. д., но в качестве товара он вместе с тем **не есть** потребительная стоимость. Если бы он был потребительной стоимостью для своего владельца, т. е. прямым средством удовлетворения его собственных потребностей, он не был бы товаром... Поэтому товар должен еще **сделаться** (werden) потребительной стоимостью сперва для других... Таким образом, потребительные стоимости товаров **становятся** (werden) потребительными стоимостями, меняя всесторонним образом свои места, переходя из рук тех лиц, для которых они являются средством обмена, в руки тех лиц, для которых они суть предметы потребления... Следовательно, для того чтобы осуществляться как потребительные стоимости, товары должны осуществляться как меновые стоимости»⁴³.

Мы приходим к следующему выводу. То обстоятельство, что товар является меновой стоимостью, исключает для него возможность быть непосредственно потребительной стоимостью как для его владельца, так и для других лиц. Мы имеем два противоположных утверждения: 1) товар **есть** потребительная стоимость и 2) товар **не есть** непосредственно потребительная стоимость. Выход из этого противоречия может быть только один: товар должен сделаться потребительной стоимостью; он является потребительной стоимостью не непосредственно, а обходным путем, через средство обмена, в котором реализуется его меновая стоимость. Меновая стоимость выступает здесь как внешнее средство для того, чтобы товар стал потребительной стоимостью.

Если реализация меновой стоимости товара является условием реализации его потребительной стоимости, то, с другой стороны, между этими двумя сторонами товара существует и обратное отношение: чтобы реализоваться как меновая стоимость, товар должен проявить и доказать свою потребительную стоимость. Если раньше мы убеждались, что характер товара, как меновой стоимости, не позволяет ему выступать непосредственно в роли потребительной стоимости, то теперь мы убеждаемся в противоположном: характер товара, как потребительной стоимости, не дает ему выступать, непосредственно в роли меновой стоимости. Товар, как меновая стоимость, является воплощением непосредственно-общественного рабочего времени в том смысле, что он «по усмотрению замещает определенное количество любого другого товара, независимо от того, является ли он для владельца этого другого товара потребительной стоимостью или нет»⁴⁴. Этим свойством отличается меновая стоимость товара, поскольку она рассматривается нами изолированно. Но если мы вспомним, что товар является также и потребительной стоимостью, то наличие последней уже не дает товару возможности непосредственно проявить характер, присущий ему как меновой стоимости. Товар уже не может замещать по усмотрению любой другой продукт общественного труда, так как он «может быть отчужден как потребительная стоимость только тому лицу, для которого он является потребительной стоимостью, т. е. предметом особенной потребности» (стр. 79). Прежде чем приобрести способность замещать по усмотрению товаропроизводителя любой другой продукт, данный товар должен быть поставлен «в соприкосновение с особенной потребностью, удовлетворению которой он служит» (стр. 79). Иначе говоря, до своего отчуждения как потребительная стоимость «товар **не есть** непосредственно меновая стоимость, но еще должен **стать** (werden) таковой» (стр. 79). И здесь мы получаем два противоположных утверждения: 1) товар **есть** меновая стоимость, 2) товар **не есть** непосредственно меновая стоимость. Из этого противоречия опять-таки выход может быть только один: товар должен еще **стать** меновой стоимостью, а именно обходным путем, в котором обнаруживается его потребительная стоимость для определенного лица, т. е. обходным путем обмена. Реализация потребительной стоимости выступает здесь как внешнее средство для реализации его меновой стоимости. «Если

⁴³ «Критика», стр. 77—79

⁴⁴ Там же.

товар может сделаться потребительной стоимостью только посредством осуществления его в качестве меновой стоимости, то, с другой стороны, он может осуществляться как меновая стоимость только благодаря тому, что в процессе отчуждения он доказывает свою потребительную стоимость» (стр. 79)⁴⁵.

Только через посредство процесса обмена происходит действительная реализация двойственной природы товара, т. е. его меновой стоимости и потребительной стоимости. До процесса обмена совместное существование в товаре обеих этих противоречащих друг другу сторон не дает возможности непосредственно проявиться каждой из них во всем богатстве ее определений; каждая из этих сторон как бы ограничена наличием другой стороны и поэтому приобретает новый характер, которого мы не могли бы открыть в ней при изолированном ее рассмотрении и который нам необходимо изучить теперь. Рассмотрим то новое, что вносится в природу каждой из этих сторон товара благодаря наличию в нем другой стороны.

Сперва рассмотрим кратко те изменения, которые претерпевает меновая стоимость благодаря тому, что она связана с конкретной потребительной стоимостью товара. Товар, как потребительная стоимость, должен перейти именно к тому лицу, который нуждается в нем для удовлетворения своих потребностей, а это значит, что он еще не обладает непосредственно-общественным характером и не может еще быть обменен на любой другой продукт по усмотрению его владельца. Общественная природа стоимости еще ограничена и как бы скована благодаря тому, что она связана с конкретной натуральной формой товара. Стоимость носит еще потенциальный характер и полностью реализуется лишь тогда, когда товар сбросит с себя свою данную конкретную натуральную форму, т. е. будет превращен в деньги. Отсюда вытекает необходимость раздвоения товара на товар и деньги, или, как иногда выражается Маркс, раздвоения стоимости на товарную форму и денежную форму стоимости. Только в последней непосредственно общественная природа стоимости находит свое полное осуществление. В первой же эта общественная природа стоимости еще скована благодаря наличию в товаре другой стороны его, т. е. конкретной потребительной стоимости. Наличие потребительной стоимости накладывает свою печать на характер меновой стоимости, превращает последнюю в потенциальную, или товарную, стоимость, которая еще нуждается в реализации.

С другой стороны, наличие меновой стоимости накладывает свою печать на характер потребительной стоимости товара. На первых страницах «Критики» и «Капитала» потребительная стоимость рассматривается изолированно от меновой стоимости, т. е. как способность удовлетворять человеческие потребности, присущая продукту совершенно независимо от той или иной общественной формы хозяйства. Потребительная стоимость рассматривается в ее безразличии к общественной форме продукта. «Какова бы ни была общественная форма богатства, потребительные стоимости образуют всегда его содержание, первоначально безразличное к этой форме»⁴⁶. Но это свое безразличие потребительная стоимость сохраняет лишь до тех пор, пока она рассматривалась нами изолированно от меновой стоимости. Когда же мы переходим к изучению потребительной стоимости **товара**, мы видим, что наличие меновой стоимости накладывает определенную печать и на потребительную стоимость. Поскольку речь идет о товаре, его потребительная стоимость имеет особый характер, по сравнению, например, с продуктом феодального общества. Речь идет здесь не об изменении натуральной формы продукта, а об изменении общественной природы самой потребительной стоимости. Отношение продукта, как потребительной стоимости, к производителю и потребителю становится иным в товарном хозяйстве по сравнению с другими формами хозяйства. Здесь продукт уже не является потребительной стоимостью для производителя, а в качестве потребительной стоимости производится для удовлетворения потребностей других лиц, т. е. производится для продажи. «Теперь производитель производит уже не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость»⁴⁷. Эта «общественная потребительная стоимость» и есть та видоизмененная форма, которую потребительная стоимость приобретает только в товарном хозяйстве под влиянием меновой стоимости. Совместное существование в товаре меновой стоимости и потребительной стоимости изменило самый характер последней.

Приведенные слова Маркса об «общественной потребительной стоимости» не всегда понимаются правильно. Нередко этот термин истолковывается в смысле всякой потребительной стоимости, производимой для нужд членов общественной группы. С этой точки зрения общественной потребительной стоимостью можно называть и продукт, который средневековый крестьянин производил для нужд поместья, и продукт, который будет производиться в социалистической общине. Но при таком расширительном понимании указанного термина уничтожается всякая его определенность. Маркс имел в виду не всякую потребительную стоимость, производимую для общества при любой социальной форме хозяйства, а потребительную стоимость **товара**. Энгельс

⁴⁵ Легко заметить здесь внешнее сходство рассуждений Маркса со схемами Гегеля в начале его «Логики». Если Гегель сперва рассматривает «бытие», а потом «ничто», чтобы после этого найти их примирение в «становлении», то той же схеме следует Маркс: сперва он рассматривает и потребительную стоимость, и меновую стоимость как бытие; после этого следует отрицание их бытия, за которым следует изучение их становления, т. е. процесса действительного движения товаров в обмене. Сходство со схемами Гегеля можно заметить и в другом пункте: потребительная стоимость и меновая стоимость рассматриваются сперва как изолированные определения; после этого они ставятся во внешнюю связь, и каждая из них рассматривается как внешнее средство для осуществления другой. Далее следует взаимопроникновение этих противоположностей, когда они принимают форму товара и денег.

⁴⁶ «Критика», стр. 60.

⁴⁷ «Капитал», т. I, стр. 6.

поэтому счел нужным прибавить к цитированным словам Маркса следующее замечание: «И не только для других вообще. Часть хлеба, произведенного средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка сеньору, часть — в виде десятины попом. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведен для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан **посредством обмена** в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости»⁴⁸. Энгельс поясняет, что, когда Маркс говорит об общественной потребительной стоимости, он имеет в виду **потребительную стоимость товара**, который переходит от производителя к потребителю через посредство обмена. Эта необходимость прохождения через сферу обмена накладывает определенную печать на товар не только в том смысле, что последний выступает как меновая стоимость; она накладывает определенную печать и на другую сторону товара, на его потребительную стоимость. Потребительная стоимость продукта, благодаря своей связи с его меновой стоимостью, приобретает особый общественный характер или «общественную определенность». «Как полезная вещь, товар обладает общественной определенностью, поскольку он есть потребительная стоимость для других, а не для своего владельца, т. е. поскольку он удовлетворяет общественные потребности».

3) Производство и потребление в капиталистическом обществе

Мы проследили развитие хозяйства, сопровождавшееся постепенным оттеснением потребительной стоимости в качестве движущей цели производства и постепенным усилением роли меновой стоимости. Это изменение означало вместе с тем изменившееся соотношение между производством и потреблением. В натуральном хозяйстве, например патриархальной семьи, производство было направлено непосредственно на удовлетворение потребностей ее членов. Такая же непосредственная связь между производством и потреблением существует в каждом организованном хозяйстве, например в социалистической общине. Маркс и Энгельс часто указывали, что характерной особенностью социалистической общины является приспособление производства к размерам общественной потребности, подлежащей удовлетворению и заранее рассчитываемой тем или иным способом⁴⁹.

С возникновением и развитием обмена, как мы уже знаем, продукт производится не непосредственно для удовлетворения потребностей, а для продажи. Однако, пока речь идет о простом товарном хозяйстве, например ремесленном, производство ведется или по определенному заказу, или для ближайшего рынка. В таком случае размеры спроса или общественной потребности, подлежащей удовлетворению, заранее приблизительно известны и влияют определяющим образом на размеры производства. Вместе с тем размер производства определяется размером обычных потребностей самого ремесленника, подлежащих удовлетворению после продажи изготовленных им изделий. Только с развитием капиталистического производства потребительная стоимость окончательно перестает быть движущей целью процесса производства. Капиталист стремится к получению прибыли и весь процесс производства подчиняет этой цели. Производство продукта, как потребительной стоимости, не является целью капиталиста. То же самое относится и к рабочему: «Продукт его [рабочего] деятельности не составляет цель его деятельности. Шелк, который он ткет, золото, которое он добывает на приисках, дворец, который он строит, — все это он производит не для себя самого»⁵⁰. В капиталистическом хозяйстве происходит дальнейшее обособление производства от потребления, производителя от потребителя.

Наряду с обособлением производства и потребления между ними сохраняется необходимая связь. Как уже было выяснено в I главе, производство и потребление взаимно связаны и взаимно обусловлены. Каким же образом осуществляется эта связь в капиталистическом обществе? Эта связь осуществляется через спрос. Так как потребности членов общества заранее не учитываются и сами по себе не могут направлять производство, общественные потребности оказывают воздействие на процесс производства лишь косвенным образом, через платежеспособный спрос. Если сам производитель не считает своей целью удовлетворение общественных потребностей, то ему приходится с ними считаться, поскольку товар должен быть продан потребителю. Общественная потребность в форме платежеспособного спроса оказывает воздействие на направление процесса производства; производитель вынужден изготовлять только такие продукты, на которые имеется спрос. Но, с другой стороны, необходимо помнить, что общественная потребность может оказывать такое воздействие лишь при том условии, если она принимает форму платежеспособного спроса, т. е. если потребитель может уплатить необходимый эквивалент (деньги), стоимость которого равна стоимости покупаемого им продукта. Маркс неоднократно подчеркивает, что, когда мы говорим о соответствии между производством и потребностями в капиталистическом обществе, речь идет отнюдь не об «абсолютных» потребностях или о «действительной» общественной потребности, а лишь о платежеспособной общественной потребности, представленной на рынке, т. е. о сумме общественного спроса⁵¹.

Эта платежеспособная общественная потребность, или общественный спрос, имеет определенный размер. Производство данного продукта должно не только удовлетворять общественной потребности вообще, но должно соответствовать определенному размеру этой общественной потребности, т. е. определенной сумме общественного

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ «Капитал», т. III, ч. 1-я, стр. 137; «Нищета философии», стр. 62.

⁵⁰ К. Маркс, Наемный труд и капитал. Собрание сочинений, том V, стр. 422.

⁵¹ «Капитал», т. III, ч. 2-я, стр. 142.

спроса на данный продукт. «Потребительная стоимость известной массы определенных продуктов зависит от того, адекватна ли она количественно определенной общественной потребности в продукте каждого особого рода, и, следовательно, от того, пропорционально ли, в соответствии ли с этой общественной количественноопределенной потребностью распределен труд между различными сферами производства»⁵². Общественная потребность, или общественный спрос, имеет определенную величину и именно этой своей количественной определенностью оказывает воздействие на направление процесса производства.

Не вносим ли мы в нашу экономическую теорию дуализм благодаря признанию этого воздействия спроса на характер процесса производства, не отказываемся ли мы от монистического принципа примата производства над потреблением? Правда, и в организованной общине мы видели непосредственное, прямое влияние характера потребления на характер производства, но там производство и потребление представляли собой акты единого процесса воспроизводства. Там потребление составляло лишь момент всего процесса производства, и вполне понятно, что между отдельными моментами последнего существовало взаимодействие. В капиталистическом же хозяйстве производство обособилось от потребления, общественные потребности приняли форму платежеспособного спроса, который как бы со стороны, в качестве внешней силы, воздействует на процесс производства. Однако вспомним, что внешнее обособление производства от потребления не уничтожает и в капиталистическом хозяйстве их внутренней необходимой связи. Общественные потребности, принявшие форму общественного спроса, изменяются и развиваются в зависимости от изменения самого процесса производства. И в капиталистическом обществе производство в тесном смысле слова и потребление составляют лишь обособившиеся части единого процесса воспроизводства. Необходимая связь между ними сохраняется, хотя и через длинный ряд промежуточных звеньев, в первую очередь через посредство общественного спроса. Мы должны, следовательно, рассмотреть этот общественный спрос и показать, что он в своем движении обусловлен движением процесса производства.

На первый взгляд кажется, что спрос определяется потребностями и произволом отдельных лиц, выступающих в качестве покупателей. Но уже в «Нищете философии» (стр. 41) Маркс отметил неправильность такого представления о спросе: «Потребитель не более свободен, чем производитель. Его мнение основывается на его средствах и потребностях. И те, и другие определяются его общественным положением, которое зависит в свою очередь от общественной организации в ее целом. Конечно, и рабочий, покупающий картофель, и содержанка, покупающая кружева, следуют своему собственному мнению, но различие их мнений объясняется различием положений, занимаемых ими в обществе, а положения их являются продуктами общественной организации». Если мы будем рассматривать не спрос того или иного отдельного лица, а спрос значительной массы покупателей, то мы найдем в его движении известную закономерность. Спрос прямо или в конечном счете определяется состоянием процесса производства, а именно развитием производительных сил и характером производственных отношений, господствующих в данном обществе. В главе 10-й III тома «Капитала» Маркс подробно рассматривает зависимость общественного спроса от общественного производства.

Прежде всего необходимо указать, что сами размеры общественного спроса не являются заранее данными и фиксированными. Когда мы выше говорили, что производство каждого продукта должно соответствовать размерам общественной потребности в нем (или спросу), то мы принимали величину общественного спроса за данную, но сама-то эта величина, в свою очередь, требует объяснения. «Дело принимает такой вид, как будто на стороне спроса имеется определенная общественная потребность данных размеров, которая требует для своего покрытия наличности определенного количества продукта на рынке. Но количественная определенность этой потребности во всяком случае эластична и непостоянна. Она только кажется фиксированной. Если бы средства существования были дешевле или денежная заработная плата была выше, то рабочие покупали бы больше, и таким образом обнаружилась бы более значительная «общественная потребность» в данных сортах товаров»⁵³. Таким образом размеры общественного спроса на данный продукт зависят, во-первых, от **цены** данного продукта и, во-вторых, от величины **доходов** покупателей. Но ведь цена продукта определяется его стоимостью, которая, в свою очередь, зависит от количества труда, необходимого для его производства, т. е. от развития производительности труда. С другой стороны, размеры дохода данной группы лиц зависят от классового положения, занимаемого ими в обществе, т. е. от характера производственных отношений, присущих данному способу производства. Следовательно, поскольку спрос зависит от цен и доходов, он определяется характером процесса производства. Правда, при данном уровне цен и доходов, спрос на определенный продукт может изменяться в зависимости от изменения потребности в нем, но сама-то эта потребность изменяется в зависимости от изменения условий жизни общества, зависящих в конечном счете от изменения процесса производства. Рассмотрим теперь подробнее зависимость размера спроса от каждого из перечисленных условий.

Остановимся прежде всего на влиянии **цены** продукта на размеры спроса. Маркс часто указывает, что величина спроса на данный продукт зависит от цены этого продукта, определяемой в свою очередь его стоимостью. «Расширение или сокращение рынка зависит от цены отдельного товара и находится в обратном отношении к повышению или падению этой цены»⁵⁴. Спрос «изменяется в направлении, противоположном ценам: повышается, когда

⁵² «Капитал», т. III, ч. 1-я, стр. 132, 138, 141; «Theorien», том II, ч. 2-я, стр. 295, 300.

⁵³ «Капитал», т. III, ч. 1-я, стр. 138. Выделение наше. — *И. Р.*

⁵⁴ Там же, стр. 71.

падают эти последние, и наоборот»⁵⁵. «При падении рыночной стоимости общественная потребность (под которой здесь всегда разумеется платежеспособная потребность) в среднем расширяется и в известных границах может поглотить более значительные массы товаров. При повышении рыночной стоимости общественная потребность в товарах сокращается и поглощает меньшие массы их»⁵⁶.

Здесь читатель может поставить следующий вопрос: если цена товара определяет размеры спроса на него, то не существует ли здесь и обратной зависимости цены товара от размера спроса? Действительно, как всякому известно, цены на товары колеблются под влиянием колебания спроса на них; но спрос может оказать влияние лишь на рыночную цену товара, а не на его среднюю цену, которая зависит от его стоимости. В самом механизме товарного хозяйства действует регулятор, который посредством расширения и сокращения производства стремится устранить отклонение рыночных цен товаров от их стоимости (или цен производства). Каковы бы ни были размеры общественной потребности в данном продукте, — идет ли, например, речь о продукте массового потребления, на который предъявляют спрос миллионы покупателей, или же об изысканном предмете роскоши, который доступен лишь узкому кругу потребителей, — производство данного продукта имеет тенденцию устанавливаться как раз в таком размере, при котором его рыночные цены имеют центром своего тяготения его стоимость (или цену производства в капиталистическом обществе). Именно потому, что капиталисту совершенно безразлично, какой продукт производить, потребительная стоимость продукта не может играть роли фактора, определяющего его стоимость. Не спрос влияет определяющим образом на стоимость продукта, а, наоборот, величина стоимости продукта определяет средние размеры спроса, существующего на этот продукт. «Если спрос и предложение определяют рыночные цены или, точнее, отклонение рыночных цен от рыночной стоимости, то, с другой стороны, рыночная стоимость регулирует отношения спроса и предложения»⁵⁷.

Теперь обратимся к вопросу о зависимости спроса от распределения **доходов** между разными общественными классами. Уже в «Нищете философии» (стр. 61) Маркс указал, что «потребление продуктов определяется социальными условиями, в которые поставлены потребители, а сами эти условия основаны на антагонизме классов». Только классовое деление капиталистического общества, построенного на антагонистической основе, может объяснить нам характер спроса и потребления, господствующего в нем. Еще резче подчеркнул Маркс эту мысль в «Капитале»⁵⁸. «Отметим здесь совсем мимоходом, что «общественная потребность», т. е. то, что регулирует принципы спроса, существенно обуславливается отношением различных классов друг к другу и их взаимным экономическим положением, а следовательно, во-первых, отношением всей прибавочной стоимости к заработной плате и, во-вторых, соотношением различных частей, на которые распадается прибавочная стоимость (прибыль, земельная рента, налоги и т. п.). Таким образом, здесь снова обнаруживается, что отношение спроса и предложения абсолютно ничего не в состоянии объяснить, пока не раскрыт базис, на котором покоится само это отношение».

Итак, общественная потребность в продуктах обуславливается прежде всего отношением прибавочной стоимости к заработной плате, т. е. распределительными отношениями, которые представляют лишь другую сторону производственных отношений капиталистического общества. Двухклассовый характер **доходов** (т. е. разделение вновь произведенной стоимости на заработную плату и прибавочную стоимость) имеет своим необходимым следствием двухклассовый характер **спроса и потребления**.

Начнем с характеристики потребления **рабочих** и спроса, предъявляемого ими на рынке. То обстоятельство, что в капиталистическом обществе класс рабочих лишен средств производства и получает доход в виде заработной платы, влияет определяющим образом на характер спроса, предъявляемого рабочими. Рабочие, во-первых, предъявляют спрос только на предметы потребления, а не на средства производства⁵⁹, и, во-вторых, предъявляют спрос только на средства существования, необходимые для воспроизводства их рабочей силы. Потребление рабочих, а вместе с тем и предъявляемый ими на рынке спрос ограничены необходимыми средствами существования.

На первый взгляд может показаться, что как раз в данном случае мы имеем яркий пример зависимости спроса от чисто естественных условий, корнящихся в физической природе человека. Можно подумать, что величина спроса рабочих определяется их «естественными» потребностями, удовлетворение которых абсолютно необходимо для поддержания жизни человека. Но эта граница так называемого физиологического минимума средств существования является только минимальной границей среднего размера спроса рабочих. В учении о стоимости рабочей силы Маркс предполагает, что средняя заработная плата определяется уровнем «необходимых» потребностей рабочих, которые превышают сумму «естественных» потребностей⁶⁰. В качестве примера естественных потребностей Маркс перечисляет пищу, одежду, топливо, жилище, но, как было уже выяснено выше, самый способ удовлетворения этих естественных потребностей изменяется в различные исторические эпохи и, таким образом, носит

⁵⁵ Там же, стр. 140.

⁵⁶ Там же, стр. 131—132.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, стр. 132.

⁵⁹ «Theorien», т. II, ч. 2-я, стр. 299.

⁶⁰ «Капитал», т. I, стр. 113. — В других местах Маркс различает «естественные» и «исторически развившиеся жизненные потребности», «естественные и социальные потребности», «естественные и созданные обществом потребности» («Капитал», т. I, стр. 437, 463; «Критика», стр. 28). Иногда Маркс особо выделяет «интеллектуальные и социальные потребности» («Капитал», т. I, стр. 163).

социально обусловленный характер. Тем более относится это к «интеллектуальным и социальным потребностям, объем и количество которых определяется общим состоянием культуры»⁶¹. «Размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения сами представляют продукт истории и зависят по большей части от культурного уровня страны, между прочим и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и притязаниями сформировался класс свободных рабочих»⁶².

Не только характер потребностей рабочего класса определяется развитием условий жизни общества и, в последнем счете, его производительных сил, но даже степень удовлетворения, испытываемого рабочим от потребления того или иного продукта, зависит от окружающих его общественных условий. Маркс говорит об этом в известном месте из «Наемного труда и капитала»: «Несмотря на то, что доступные рабочему наслаждения возросли, доставляемое ими удовлетворение понизилось, ввиду увеличившихся, недоступных рабочему наслаждений капиталиста ввиду более высокой ступени общественного развития вообще. Наши потребности и наслаждения возникают из общества; поэтому мы прикладываем к ним общественную мерку, а не измеряем их самими предметами, служащими для их удовлетворения. Именно общественный характер наших потребностей и наслаждений делает их относительными»⁶³.

Итак, доходы рабочего в капиталистическом обществе настолько ограничены, что дают ему возможность предъявлять спрос только на необходимые средства существования. С другой стороны, вспомним сказанное выше о влиянии цены данного продукта на размеры спроса, предъявляемого на него. Отсюда следует вывод, что рабочие предъявляют спрос почти исключительно на наиболее дешевые, а следовательно, и плохие предметы потребления. Это обстоятельство было с большой силой подчеркнуто Марксом в «Нищете философии». «Почему же хлопок, картофель и водка стали краеугольным камнем буржуазного общества? — Потому, что их производство требует наименьшего труда, и они имеют вследствие этого наименьшую цену». Характер потребления всецело зависит от условий производства продуктов. «Экономика победила; она продиктовала свои законы потреблению»⁶⁴.

Отсюда видно, в какой мере ошибочно говорить без дальнейших пояснений, что капиталистическое производство, как и всякое производство вообще, удовлетворяет общественные потребности. Эта формула верна лишь в том случае, если мы под последними будем понимать только те потребности, которые признаны капиталистическим обществом, т. е. которые могут предъявить платежеспособный спрос. Капиталистам нет никакого дела до того, что потребности широких народных масс удовлетворяются лишь в минимальной степени, а следовательно, огромная масса потребностей остается совершенно неудовлетворенной. Капиталистическое производство удовлетворяет лишь те потребности, которые выступают в форме платежеспособного спроса. Именно поэтому Маркс часто подчеркивал совершенно различный характер связи между производством и потреблением в обществе капиталистическом и социалистическом. «В будущем обществе, где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов, потребление не будет определяться минимумом времени, необходимым на производство, а, наоборот, количество времени, которое будут посвящать на производство различных предметов, будет определяться степенью их общественной полезности»⁶⁵.

Так как характер дохода, получаемого рабочими, определяет характер их потребления и спроса, предъявляемого ими на рынке, то вполне понятно, что с изменением заработной платы изменяется и потребление рабочих. Мы знаем учение Маркса о влиянии роста органического состава капитала и резервной армии на величину заработной платы. Мы знаем учение Маркса о существующей в капиталистическом обществе тенденции к обнищанию рабочего класса. Само собой понятно, что эта общая закономерность движения заработной платы необходимо вызывает соответствующие изменения в потреблении рабочих.

Такие же изменения, но лишь временного характера, вызываются и временными изменениями размера заработной платы. Как известно, заработная плата испытывает колебания в ходе промышленного цикла: она поднимается в годы расцвета и падает в годы депрессии. Маркс внимательно отмечал влияние, которое ход конъюнктуры оказывает на потребление рабочих: он указывал, что в годы расцвета «повышается не только потребление необходимых средств существования: рабочий класс... на время принимает участие и в потреблении, вообще говоря, недоступных для него предметов роскоши»⁶⁶. Наоборот, в периоды депрессии заработная плата падает, а в результате

⁶¹ Там же, стр. 163.

⁶² Там же, стр. 113.

⁶³ К. Маркс, Собр. сочин., т. V, стр. 433. — Как видно из рукописи Маркса о заработной плате, впервые опубликованной Д. Б. Рязановым, Маркс заимствовал цитируемую, нами мысль у Шербюлье. В указанной рукописи мы находим следующую цитату из сочинения Шербюлье: «Не столько абсолютное потребление рабочего, сколько его относительное потребление делает его положение счастливым или несчастным. За пределами необходимого потребления стоимость нашего наслаждения по существу дела относительна» (там же, стр. 540). Более подробно Маркс цитирует слова Шербюлье в «Теориях» (немецкое изд., т. III, стр. 447). Любопытно, что Маркс считал нужным выразить свое несогласие с Чернышевским, который придерживался противоположного мнения и писал: «Человек терпит или не терпит нужды, благо состоятелен или неблагосостоятелен не по сравнению с другими, а сам по себе. Масштаб тут дается природою человека». Против этих слов Чернышевского Маркс на полях его книги поставил вопросительный знак (см. «Архив к. Маркса и Ф. Энгельса», 1929 г., т. IV, стр. 386).

⁶⁴ «Нищета философии», стр. 61.

⁶⁵ Там же, стр. 62, и примечание, к ней.

⁶⁶ «Капитал», т. II, стр. 296.

сокращается потребление рабочих и спрос, предъявляемый ими на рынке⁶⁷.

Как мы видим, характер спроса и потребления рабочих всецело обуславливается положением их в процессе производства, т. е. характером производственных отношений капиталистического общества. Во-первых, уровень необходимых потребностей рабочих определяется общими условиями жизни общества; во-вторых, классовое положение рабочих всецело определяет общую структуру спроса, предъявляемого ими на рынке: они предъявляют спрос лишь на необходимые средства существования; в-третьих, потребление рабочих зависит от уровня цен продуктов в том смысле, что рабочие предъявляют широкий спрос лишь на наиболее дешевые товары; в-четвертых, общая тенденция к уменьшению относительной доли рабочего класса в общественном продукте влияет определяющим образом на размеры спроса и потребления рабочих; в-пятых, наконец, временные колебания в размерах потребления и спроса рабочих определяются временными колебаниями заработной платы в ходе конъюнктуры.

От потребления рабочих переходим к потреблению капиталистов; пока мы будем говорить только об их личном потреблении. Личное потребление капиталистов носит совершенно иной характер, чем личное потребление рабочих, и это различие потребления непосредственно отражает различный характер и уровень их доходов. Капиталисты предъявляют спрос на другие продукты, чем рабочие. Во-первых, поскольку они потребляют необходимые средства существования (хлеб, мясо и т. д.), эти продукты обычно отличаются по своему качеству и стоимости от средств потребления рабочих⁶⁸. Кроме того, капиталисты употребляют предметы роскоши, под которыми Маркс понимает здесь те продукты, которые входят лишь в потребление класса капиталистов⁶⁹. Таким образом, Маркс различает три группы предметов потребления: 1) необходимые средства существования рабочих, 2) необходимые средства существования капиталистов, 3) предметы роскоши⁷⁰. Интересно отметить, что в основу этой классификации предметов потребления Марксом положен классовый принцип включения тех или иных продуктов в потребительский бюджет того или иного класса общества.

Таким образом, характер доходов, получаемых капиталистами, накладывает свою печать на характер их потребления. Правда, в данном случае эта зависимость не носит столь непосредственного характера, как в потреблении рабочих. Между величиной заработной платы рабочего и размерами его потребления существует самая тесная связь, так как обычно почти вся заработная плата затрачивается рабочим на покупку средств существования. Капиталист же затрачивает на свое личное потребление только небольшую часть своей прибыли, остальную ее часть он накапливает в качестве капитала, т. е. затрачивает на покупку средств производства и рабочей силы. Поэтому личное потребление капиталиста зависит не только от общей суммы получаемой им прибыли, но и от того, в какой пропорции эта прибыль разделяется им между фондом личного потребления и фондом накопления. Однако и в данном случае мы можем заметить известную закономерность в поведении капиталистов, которое изменяется в зависимости от изменения общих условий капиталистического производства. В различные эпохи развития капитализма личное потребление капиталистов носило разный характер. «При возникновении капиталистического способа производства в истории... жажда обогащения и скупость господствуют как абсолютные страсти. Но прогресс капиталистического производства не только создает новый мир наслаждений; с развитием спекуляции и кредитного дела он открывает тысячи источников внезапного обогащения. На известной ступени развития определенный обычный уровень расточительности, являясь выставкой богатства и, следовательно, гарантией кредитоспособности, становится даже деловой необходимостью для «несчастливого» капиталиста. Роскошь входит в издержки представительства капитала... Правда, расточительность капиталиста никогда не приобретает того откровенного характера, как расточительность разгульного феодала, наоборот, в основе ее всегда таится самое грязное скряжничество и скрупулезная расчетливость; тем не менее, расточительность капиталиста возрастает с ростом его накопления, отнюдь не мешая последнему»⁷¹. По мере развития капитализма потребление класса капиталистов увеличивается в огромной степени. Но ввиду того, что размеры получаемой ими прибыли увеличиваются еще быстрее, расходы на личное потребление занимают относительно все меньшую долю прибыли капиталистов. Таким образом, развитие потребления капиталистов обнаруживает известную закономерность, которая определяется общими тенденциями развития капиталистического производства.

Если сумма предметов потребления и роскоши, достоящихся классу капиталистов, в общем имеет тенденцию к огромному возрастанию, то вместе с тем она обнаруживает известные временные колебания в зависимости от хода конъюнктуры. В периоды промышленного процветания возрастает потребление капиталистов и спрос, предъявляемый ими на рынке на предметы потребления, в частности на предметы роскоши.⁷² Маркс предвосхитил новейшие исследования о влиянии хода конъюнктуры на размеры потребления как рабочих, так и капиталистов. Он тщательно отмечал периодическое расширение и сокращение процесса потребления, которое, в свою очередь, только отражает движение процесса производства.

⁶⁷ «Theorien», т. II, ч. 2-я, стр. 303.

⁶⁸ «Капитал», т. II, стр. 290.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, стр. 290, 296.

⁷¹ «Капитал», т. I, стр. 467—468. Ср. о том же «Теории прибавочной стоимости», т. I, русск. Изд. 1906 г., стр. 298.

⁷² «Капитал», т. II, стр. 221, 296; «Капитал», т. III, ч. 1-я, стр. 234, 348.

Спрос капиталистов на предметы потребления составляет только ничтожную часть того спроса, который они вообще предъявляют на рынке. Огромную и все возрастающую часть своей прибыли капиталисты затрачивают не на личное потребление, а в качестве накапливаемого капитала. Они выступают на рынке в качестве покупателей средств производства и рабочей силы. Поскольку капиталист покупает рабочую силу, «спрос капиталиста на рабочую силу косвенно является в то же время спросом на средства потребления, входящие в потребление рабочего класса».⁷³ Но вместе с ростом органического состава капитала капиталист все большую часть накапливаемых им сумм тратит не на покупку рабочей силы, а на покупку средств производства, т. е. сырья и орудий труда. В капиталистическом обществе единственными покупателями средств производства являются капиталисты; предъявляемый ими спрос на средства производства составляет огромную часть всего спроса, предъявляемого на рынке.

Это обстоятельство необходимо для понимания всего характера капиталистического производства. Маркс уже в «Ницете философии» писал (стр. 42): «Чаще всего потребности вытекают прямо из производства или из порядка вещей, основанного на производстве. Почти все движение мировой торговли обуславливается влиянием потребностей не личного потребления, а производства». В капиталистическом обществе мы должны отметить два совершенно различных сорта потребителей: «индивидуальных потребителей», которые предъявляют спрос на средства потребления, и «производительных потребителей», которые предъявляют спрос на средства производства⁷⁴. Если размеры спроса на средства потребления, как мы уже убедились выше, зависят от общих условий процесса производства, то тем в большей мере относится это к производительному спросу, т. е. к спросу на средства производства. Если капиталист покупает хлопок для переработки в хлопчатобумажную материю, то его потребность в хлопке носит уже совершенно другой характер, чем потребность потребителя в продукте, удовлетворяющем его личные потребности. Капиталист покупает хлопок лишь постольку, поскольку операция его переработки обещает доставить ему прибыль. «Его потребность в хлопке существенно видоизменяется благодаря тому обстоятельству, что в действительности она прикрывает лишь его потребность в получении прибыли»⁷⁵. Спрос на средства производства зависит от условий процесса производства самым непосредственным образом, а не только косвенно, как это имело место в примере спроса на предметы личного потребления.

Так как спрос капиталистов на средства производства определяется стремлением капиталистов к прибыли, то он уже не является непосредственным отражением общественной потребности в предметах потребления. А так как, с другой стороны, размеры спроса на средства производства оказывают огромное воздействие на весь процесс производства, то последний становится в известной мере независимым от процесса потребления. Отсюда свойственная капитализму тенденция к расширению производства за пределы платежеспособного спроса, или платежеспособной общественной потребности. «Так как целью капитала является не удовлетворение потребностей, а производство прибыли, и так как эта цель достигается такими методами, при которых масса продуктов определяется размерами производства, а не наоборот, то постоянно должно возникать несоответствие между ограниченными размерами потребления на капиталистическом базисе и производством, которое постоянно стремится выйти за эти имманентные пределы»⁷⁶. «Производство ведется безотносительно к существующим границам потребления, а ограничено только самим капиталом»⁷⁷. Это стремление к расширению производства может реализоваться на практике благодаря тому, что большая часть прибыли накапливается и, следовательно, на рынке предъявляется новый спрос на средства производства. Иначе говоря, в капиталистическом хозяйстве производство в известных пределах само создает для себя рынок, так как расширение производства означает предъявление спроса на средства производства, а этот вид спроса имеет огромное значение в капиталистическом обществе.

Огромное и все возрастающее значение производительного спроса делает размер производства в высшей степени эластичным и в известных пределах независимым от общественных потребностей в узком смысле слова, т. е. от наличного состояния платежеспособного спроса на предметы потребления. Однако это верно лишь в известных пределах, так как в конечном счете средства производства предназначены именно для того, чтобы создавать средства потребления. Размеры производительного спроса в первое время независимы от потребления, но в конечном счете все же ограничены личным потреблением, потому что производство постоянного капитала никогда не совершается ради него самого, а в конечном счете вызывает производство предметов потребления⁷⁸. Правда, процесс воспроизводства до известных границ может совершаться в прежнем или даже расширенном масштабе, хотя выброшенные из него товары в действительности не перешли в сферу личного или производительного потребления⁷⁹. Но в конечном счете дальнейшая возможность расширения производства наталкивается на границы, установленные низким уровнем потребления народных масс. В капиталистическом обществе антагонистические отношения распределения «сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах»⁸⁰. Поэтому «чем больше развивается производительная сила, тем более впадает

⁷³ «Капитал», т. II, стр. 70.

⁷⁴ «Капитал», т. II, стр. 221, 296; «Капитал», т. III, ч. 1-я, стр. 234, 348.

⁷⁵ «Капитал», т. III, ч. 1-я, стр. 138.

⁷⁶ Там же, стр. 194.

⁷⁷ «Theorien», т. II, ч. 2-я, стр. 299.

⁷⁸ «Капитал», т. III, ч. 1-я, стр. 234.

⁷⁹ «Капитал», т. II, стр. 38.

⁸⁰ «Капитал», т. III, ч. 1-я, стр. 184.

она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление»⁸¹. Относительная независимость производства от потребления, обусловленная стремлением капиталистов к безграничному расширению производства и все возрастающей ролью производительного спроса, все же имеет место лишь в определенных пределах; при выходе за эти пределы обнаруживается внутренняя, необходимая связь производства с потреблением, и разражается кризис.

Мы можем теперь подвести итоги нашим рассуждениям о связи между производством и потреблением в капиталистическом хозяйстве. В первых главах мы выяснили общее учение Маркса о связи между производством и потреблением. Мы видели, что оба эти момента процесса воспроизводства взаимно проникают друг друга: производство направлено на изготовление продуктов, служащих для потребления, а последнее в свою очередь изменяется в зависимости от изменения самого процесса производства.

Уже в простом товарном хозяйстве связь между производством и потреблением становится более длинной и сложной. Производство не имеет своей целью непосредственное удовлетворение потребностей производителя. Последний производит продукт не ради потребительной, а ради меновой стоимости. Тем не менее, тесная связь между производством и потреблением сохраняется. С одной стороны, производителю хорошо известен традиционный и медленно изменяющийся размер спроса, предъявляемого на производимые им продукты, следовательно, потребности покупателей, выражающиеся в предъявляемом ими спросе, заранее принимаются во внимание и учитываются производителем. С другой стороны, при простом товарном хозяйстве, в котором отсутствует деление классов и классовая эксплуатация, выгоды от роста производительности труда достаются самому производителю. Рост производительности труда и возрастание количества продуктов, служащих для удовлетворения человеческих потребностей, вызывают рост потребностей и потребления членов общества. Развитие производства сопровождается ростом потребления.

Дальнейшее обособление производства от потребления имеет место в капиталистическом хозяйстве, где целью капиталиста является получение прибыли. Капиталист производит не для удовлетворения потребностей членов общества, а для удовлетворения платежеспособного спроса. Спрос, предъявляемый на рынке на средства потребления, носит ярко выраженный классовый характер и обуславливается распределением общественного дохода между разными классами общества. Доходы рабочего класса остаются на крайне низком уровне и на таком же уровне остается спрос, предъявляемый рабочими на средства потребления. Потребности широких народных масс не являются движущей целью, направляющей производство. С другой стороны, колоссальное возрастание производительности труда и размеров общественного богатства не сопровождается соответствующим возрастанием потребления рабочего класса. Если в хозяйстве патриархальной семьи или социалистической общины непосредственно действует закон, в силу которого потребности развиваются «вместе со средствами их удовлетворения и в непосредственной зависимости от развития этих последних»⁸², то в капиталистическом хозяйстве этот закон проявляется в модифицированном виде. Рост производительности труда и колоссальное возрастание общественного богатства не вызывают, — а в лучшем случае вызывают лишь в ничтожной степени, — возрастание размеров потребления рабочего класса. «Мы не можем представить себе капитализма без противоречия между производством и потреблением, без того, чтобы гигантский рост производства не совмещался с крайне слабым ростом (или даже застоем и ухудшением) народного потребления»⁸³. Эта особенность капиталистического хозяйства была уже, как мы видели, отмечена Марксом в его ранних подготовительных работах к «Святому семейству». Но там Маркс, находившийся еще под влиянием идей утопического социализма, резко противопоставлял «естественный» закон роста человеческих потребностей «противоестественному» закону деградации рабочего класса в условиях капиталистического хозяйства. Теперь же Маркс вскрывает диалектическое противоречие обоих законов: общего закона возрастания потребностей по мере развития производства и присущего капиталистическому хозяйству закона, который держит потребление рабочих на низком уровне, несмотря на гигантский рост производительности труда. Маркс вскрывает весь механизм капиталистического хозяйства, в котором возрастание производительности общественного труда, сопровождаемое ростом органического состава капитала и резервной армии, не влечет за собой повышения потребления и благосостояния рабочего класса. «Теория Маркса показала, как осуществляется то присущее капитализму противоречие, что громадный рост производительных сил не сопровождается соответствующим ростом народного потребления»⁸⁴.

Общий закон, согласно которому возрастание производства сопровождается ростом потребностей, значительно усложняется и модифицируется в капиталистическом хозяйстве, но в конечном счете все же продолжает оказывать свое действие. Рост производительности труда вызывает понижение стоимости различных предметов потребления, делая их тем самым доступными и рабочим массам. Правда, даже в этом лучшем случае лишь ничтожная часть выгоды, доставляемой ростом производительности общественного труда, достается рабочему классу; даже в этом, наиболее благоприятном для рабочих случае повышается сумма продуктов в натуре, достигающихся рабочему, а не сумма получаемых им стоимостей. Таким образом, возрастание производительности труда может оказывать дей-

⁸¹ Там же.

⁸² «Капитал», т. I, стр. 397—398.

⁸³ Ленин, Сочинения, т. II, 1923 г., стр. 499.

⁸⁴ Там же, стр. 191.

ствие на размер потребления рабочих лишь в очень ограниченной степени и косвенным путем (через понижение стоимости продуктов).

Если возрастание размеров производства и общественного богатства оказывает лишь косвенное влияние на размеры **потребления** рабочих, то более значительное влияние оно оказывает на развитие **потребностей** рабочих. Самый факт колоссального роста общественного богатства, сопровождающийся огромным повышением благосостояния и уровня личного потребления капиталистов и близких к ним групп населения, не может не вызывать роста потребностей рабочих, как это отметил уже Маркс в работе «Наемный труд и капитал». Расхождение между потребностями рабочих и средствами к их удовлетворению приобретает все более острый характер.

В условиях капиталистического хозяйства рост производства, помимо своего косвенного и ограниченного влияния на размеры потребления рабочих, оказывает также непосредственное влияние, а именно: 1) сопровождается огромным ростом личного потребления класса капиталистов и близких к ним групп населения, 2) вызывает огромное увеличение спроса капиталистов на средства производства. Значительная часть прибыли накапливается в виде капитала и употребляется, — за вычетом сумм, необходимых для покупки рабочей силы, — на покупку средств производства. Само производство отчасти создает для себя рынок, и расширение его вызывает огромное увеличение спроса на средства производства даже при стационарном, понижающемся или медленно повышающемся уровне личного потребления рабочих масс. Рост этого спроса на средства производства делает капиталистическое производство относительно независимым от узкого базиса личного потребления рабочих масс. Однако эта независимость носит лишь временный и относительный характер. Возрастание спроса на средства производства равносильно дальнейшему увеличению самого же процесса производства. Следовательно, возрастание производительного спроса, делая производство на время независимым от размеров личного потребления, в конечном счете лишь обостряет противоречие между колоссальным развитием производительных сил и теми «условиями распределения и потребления», в которых оно происходит; это противоречие периодически находит свое выражение в острых кризисах, а в конечном счете приводит к необходимости социальной революции.

Как видим, в капиталистическом обществе связь между производством и потреблением носит очень сложный и запутанный характер. Потребление воздействует на производство лишь через посредство платежеспособного спроса. Для понимания же характера спроса в капиталистическом обществе мы должны обратить усиленное внимание: 1) на распределение **доходов** между различными классами общества, обуславливающее размер предъявляемого ими спроса на товары, и 2) на огромное значение спроса на **средства производства**. Именно эти два обстоятельства, существенно влияющие на всю структуру спроса в капиталистическом обществе, Маркс усиленно подчеркивает в своих рассуждениях. «При простой купле и продаже достаточно, чтобы производители товаров, как таковые, противостояли друг другу. Спрос и предложение при дальнейшем анализе предполагают существование различных классов и подразделений классов, которые распределяют между собой весь доход общества и потребляют его как доход, которые, следовательно, предъявляют спрос, определяемый этим доходом; между тем, с другой стороны, для понимания тех спроса и предложения, которые создают между собой производители как таковые, необходимо уяснить себе всю систему капиталистического процесса производства в целом»⁸⁵. Наряду с этими двумя важнейшими обстоятельствами, определяющими структуру спроса в капиталистическом обществе, в последнем действует целый ряд других условий, которые еще более усложняют и запутывают связь между производством и потреблением. Достаточно упомянуть хотя бы о роли потребления непроизводительных групп населения или об огромном возрастании торгового аппарата, который удлиняет путь от производителя к потребителю.

На первый взгляд может показаться, что в капиталистическом обществе производство и потребление совершенно обособлены и независимы друг от друга. Производство ведется не для удовлетворения потребностей членов общества, а для получения прибыли; оно в значительной мере независимо от размеров личного потребления и направлено в большой степени на удовлетворение производительного спроса, т. е. на расширение самого же процесса производства. С другой стороны, и потребление народных масс не изменяется непосредственно под влиянием роста процесса производства и общественного богатства. Однако обособление производства от потребления не уничтожает их внутренней связи. С одной стороны, производство в конечном счете сдерживается узкими рамками, которые ему ставятся «условиями распределения и потребления»; с другой стороны, потребление составляет момент всего процесса воспроизводства, либо непосредственно вытекающий из потребностей процесса производства (спрос на средства производства), либо же обусловленный распределительными отношениями и в первую очередь уровнем заработной платы (спрос рабочих на предметы личного потребления).

Глава III. Потребительная стоимость и предмет исследования политической экономии

1) Входит ли потребительная стоимость в область исследования политической экономии?

Мы должны теперь поставить вопрос, в какой мере потребительная стоимость изучается политической экономией. Как нам уже известно, критики Маркса часто бросают ему упрек в игнорировании потребительной стоимости.

⁸⁵ «Капитал», т. III, ч. 1-я, стр. 143.

Разбор сочинений Маркса убедил нас уже в том, что процесс потребления Марксом никоим образом не игнорировался, но рассматривался как один из моментов процесса воспроизводства в целом. Теперь нам нужно ответить на вопрос, в какой же мере потребительная стоимость принимается во внимание экономистом при исследовании процесса производства.

Капиталистический процесс производства есть единство процесса труда (т. е. процесса производства потребительных стоимостей) и процесса производства и возрастания стоимости. Политическая экономия делает специальным предметом своего исследования последнюю сторону процесса производства, т. е. процесс производства и возрастания стоимости. Но процесс возрастания стоимости представляет собой ту форму, в которой происходит процесс производства продуктов или потребительных стоимостей. Поэтому и последний процесс всегда присутствует в нашем исследовании, но не как самостоятельный объект анализа в данной науке, а как другая сторона единого процесса воспроизводства, который изучается нами как «общественный строй производства» (Ленин). Отсюда следует, что потребительная стоимость привлекается в круг нашего исследования лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания процесса производства и возрастания стоимости.

Маркс неоднократно подчеркивал, что потребительная стоимость не составляет самостоятельного предмета исследования в теоретической экономии. На первых же страницах «Критики» он указывал, что потребительная стоимость как таковая, т. е. в своем безразличии к определению экономической формы, лежит вне круга исследования политической экономии⁸⁶. Об этом же Маркс говорил в своем письме к Энгельсу от 2 апреля 1868 г., в котором он излагал ему содержание «Критики». В этом письме мы читаем: «Потребительная стоимость, — рассматриваемая субъективно, в виде полезности труда, или объективно, в виде полезности продукта, — является здесь лишь вещественной предпосылкой стоимости, предпосылкой, которая временно совершенно выпадает из определения экономической формы»⁸⁷. Эти слова Маркса показывают, что, во-первых, потребительная стоимость не представляет самостоятельного объекта исследования теоретической экономии и, во-вторых, должна приниматься во внимание, поскольку это необходимо для исследования «определений экономической формы», т. е. производственных отношений людей. Рассмотрим теперь на ряде примеров, в какой мере Маркс в своем исследовании принимает во внимание потребительную стоимость товаров.

Как мы уже видели в главе II (раздел 2), Маркс в начале своего исследования рассматривает меновую стоимость отдельно и совершенно независимо от потребительной стоимости, чтобы после этого изучить условия их совместного существования в товаре. Здесь, в учении о противоречии между меновой стоимостью и потребительной стоимостью, наличие последней Марксом все время предполагается и принимается во внимание. Мы не поймем законов движения стоимости (например, учения о формах стоимости, учения о раздвоении товара на товар и деньги), если упустим из виду, что меновая стоимость есть только одна сторона товара, который с другой стороны выступает как потребительная стоимость. Но отсюда никоим образом не следует, что Маркс занимается исследованием потребительной стоимости. Маркс ограничивается здесь предположением, что товар является не только меновой стоимостью, но и потребительной стоимостью. Это предположение является уже достаточным для целей его исследования.

От анализа отдельного товара, как единства стоимости и потребительной стоимости, Маркс переходит к действительному процессу обмена товаров, т. е. к товарному обращению в форме $T — D — T$. Маркс подчеркивает, что этот кругооборот товаров изучается им как процесс «перемены форм» (Formwechsel) товаров, а не как процесс общественного «обмена веществ» (Stoffwechsel). По словам Маркса, экономисты не могли правильно понять кругооборота $T — D — T$ именно потому, что обращали внимание на его вещественную сторону и упускали из вида процесс, касающийся самой формы товара 2.

Значит ли это, что Маркс игнорировал в своем исследовании тот «обмен веществ», который протекает в виде «перемены форм» $T — D — T$? Конечно, такое предположение было бы ложным. Если бы мы игнорировали общественный обмен веществ, мы не могли бы понять и того процесса перемены форм, который его обслуживает. Действительно, чтобы понять движение товара в кругообороте $T — D — T$, мы должны принять во внимание, что речь идет о продукте, который произведен товаропроизводителем для продажи и должен служить непосредственным предметом потребления не для самого производителя, а для другого лица, т. е. для покупателя. Мы не поймем первого метаморфоза товара $T — D$, если забудем, что продукт проделывает определенный путь от производителя к потребителю. Словом, чтобы понять кругооборот $T — D — T$ со стороны его общественной формы, мы должны все время помнить другую сторону этого же кругооборота, т. е. процесс движения продуктов или потребительных стоимостей от производителя к потребителю. Но последний процесс присутствует в нашем исследовании не как самостоятельный предмет анализа, а лишь как другая сторона единого процесса товарного производства и обращения.

До сих пор Маркс предполагал, что товар, — рассматриваемый либо как отдельный товар, либо в движении кругооборота $T — D — T$, — обладает потребительной стоимостью. Но если мы перейдем к исследованию всей

⁸⁶ «Критика», стр. 60.

⁸⁷ *Marx u Engels, Briefwechsel*, B. III, S. 266. (Русский перевод в Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. XXII, стр. 327.)

товарной массы, произведенной в данной отрасли производства, то уже недостаточным является предположение, что отдельные экземпляры этой товарной массы представляют собой потребительные стоимости. Мы должны также предположить, что вся эта товарная масса в целом с количественной стороны соответствует общественной потребности, т. е. платежеспособному спросу, в товарах данного рода. Здесь мы предполагаем уже не только существование потребительной стоимости, но и наличие «потребительной стоимости в общественном масштабе», т. е. количественно определенной общественной потребности. «Общественная потребность, т. е. потребительная стоимость в общественном масштабе, — вот что определяет здесь количества всего общественного рабочего времени, приходящиеся на различные особые сферы производства»⁸⁸. Однако было бы ошибочно думать, что Маркс делает здесь предметом своего специального исследования определенный, конкретный характер этой общественной потребности. Маркс ограничивается общим предположением, что общественная потребность в каждом роде продуктов имеет количественно определенный характер. Этого предположения вполне достаточно для понимания условий процесса воспроизводства в целом, и дальнейшее исследование конкретной структуры общественных потребностей у Маркса отсутствует. И здесь, как в других местах, процесс потребления продуктов принимается во внимание лишь как момент процесса общественного воспроизводства, т. е. поскольку структура общественных потребностей определяется условиями процесса производства (см. выше, главу II, раздел 3) и, с другой стороны, сама воздействует на последний.

В приведенных выше примерах Маркс принимал во внимание потребительную стоимость, поскольку он должен был исходить из некоторых общих предпосылок, касающихся процесса потребления. Но определенная потребительная стоимость продуктов имеет большое значение и для самого процесса непосредственного производства. Поэтому и при исследовании последнего она принимается Марксом во внимание, поскольку ему необходимо осветить техническую сторону процесса производства. Приведем несколько примеров.

Мы не поймем деления капитала на две различные формы (постоянного и переменного капитала), если упустим из виду, что первый затрачивается на покупку мертвых средств производства, а последний — на покупку живой рабочей силы. Следовательно, в основе этих двух различных форм капитала лежит вещественное различие элементов, необходимых для технического процесса производства. Поэтому при исследовании постоянного и переменного капитала все время принимается во внимание та специфическая вещественная форма, которая отличает друг от друга различные элементы производства. Но вместе с тем было бы в высшей степени ошибочным отождествлять различие между постоянным и переменным капиталами с вещественным или техническим различием между средствами производства и рабочей силой. Маркс решительно высказывался против вульгарных экономистов, которые видели разницу между отдельными частями капитала лишь в том, что они служат «для оплаты материально отличного элемента производства». Маркс же видит эту разницу в общественной функции постоянного и переменного капиталов, в их различной функциональной роли в процессе увеличения стоимости⁸⁹. Техническое различие элементов производства не подвергается Марксом специальному анализу, а принимается во внимание лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания деления капитала на постоянный и переменный.

Такое же соотношение между стоимостью и потребительной стоимостью мы найдем в учении Маркса об основном и оборотном капитале. И это деление капитала имеет своей основой различие в техническом функционировании различных элементов производства. Текстильная машина изнашивается медленно и служит в течение многих лет, между тем как хлопок: перерабатывается в течение одного периода производства. Эти технические различия служат той основой, на которой вырастает экономическое различие между основным и оборотным капиталами. Но опять-таки и в данном пункте Маркс решительно возражает против экономистов, которые приписывают различию между основным и оборотным капиталами технический, а не экономический характер. С точки зрения Маркса различие между основным и оборотным капиталами заключается в различном способе перехода их **стоимостей** на продукт⁹⁰. Что же касается тех технических различий, которые вытекают из специфической природы потребительных стоимостей хлопка и машины и из различных условий функционирования их в процессе труда, то они не подвергаются Марксом специальному анализу.

На основе своего учения о постоянном и переменном капитале Маркс построил учение об органическом составе капитала. И здесь мы можем ясно проследить, каким именно образом Маркс связывает стоимость с потребительной стоимостью. Органический состав капитала есть состав капитала **по стоимости**; но стоимостный состав капитала рассматривается как органический состав капитала лишь в том случае, если он отражает технический состав капитала, т. е. соотношение между количествами живого труда и мертвых средств производства. Органический состав капитала вырастает на основе его технического состава, но не совпадает с последним. Предметом своего специального исследования Маркс делает именно органический состав капитала и закономерность его изменений. Конечно, мы не сможем, вскрыть эту закономерность (например, закон повышения органического состава капитала), если не обратим внимания на процессы, совершающиеся: в техническом процессе производства и вызывающие возрастание технического состава капитала (т. е. возрастание количества мертвых средств производства за счет живого

⁸⁸ «Капитал», т. III, ч. 2-я, стр. 142.

⁸⁹ Там же, ч. 1-я, стр. 7.

⁹⁰ «Капитал», т. II, стр. 131.

труда). В высшей степени интересно проследить, как именно Маркс привлекает в свое исследование факт возрастания, технического состава капитала. Он кратко указывает, что в результате роста производительности труда все больше возрастает количество сырья и машин, приходящихся на одного рабочего. Не исследуя детально этого процесса, Маркс лишь кратко останавливается на нем, поскольку это необходимо для понимания вытекающих отсюда важнейших экономических явлений, например возрастания органического состава капитала, вытеснения рабочих машинами, образования резервной армии и т. д. Если бы Маркс сделал специальным предметом своего исследования возрастание технического состава капитала, он должен был бы дать нам огромный технологический материал, иллюстрирующий процесс вытеснения живого труда мертвым в различных отраслях производства. Он этого не делает, так как возрастание технического состава капитала привлекается им в исследование лишь постольку, поскольку это необходимо для познания закономерности, развития органического состава капитала.

Итак, Маркс не делает потребительную стоимость специальным предметом своего исследования, но принимает ее во внимание как в своих замечаниях о процессе потребления, так и в своем исследовании процесса производства. Тем более должен Маркс уделить внимание потребительной стоимости в своем учении о процессе воспроизводства, изложенном во II томе «Капитала». «Процесс воспроизводства, как целое, в такой же мере: включает в себе процесс потребления, обслуживаемый обращением, как: и собственно процесс воспроизводства капитала»⁹¹. При исследовании этого процесса воспроизводства в целом уже нельзя ограничиться предположением, что товар имеет потребительную стоимость; для того чтобы процесс общественного воспроизводства мог совершаться беспрепятственно, требуется, чтобы общественный продукт заключал в себе несколько подразделений продуктов, отличающихся различной натуральной формой или потребительной стоимостью. Со стороны своей натуральной формы общественный продукт делится, прежде всего, на два больших подразделения: 1) средства производства и 2) средства потребления; последняя группа продуктов, в свою очередь, может быть подразделена на две подгруппы, отличающиеся различной натуральной формой: 1) средства потребления рабочих и 2) средства потребления капиталистов. Поэтому при изучении общественного воспроизводства в целом необходимо рассматривать не только процесс воспроизводства **стоимости и капитала**, но и процесс воспроизводства **продукта в натуре**. «Продукт индивидуального капитала... может иметь какую-угодно натуральную форму. Единственное условие заключается в том, чтобы он действительно имел потребительную форму, потребительную стоимость, которая накладывает на него отпечаток как на члена, способного к обращению в мире товаров... Иначе обстоит дело с продуктом всего общественного капитала. Все вещественные элементы воспроизводства в своей натуральной форме должны послужить частями этого самого продукта»⁹². Этим объясняется, что Маркс во II томе «Капитала» не только исследует процесс воспроизводства составных частей капитала и прибавочной стоимости (*c*, *v*, *t*), но и принимает во внимание воспроизводство продукта в натуре (средства производства, средства потребления рабочих, средства потребления капиталистов).

Конечно, и во II томе «Капитала» Маркс исследует непосредственно процесс воспроизводства **капитала**, а не процесс воспроизводства **продуктов**, но так как для воспроизводства капитала необходимо наличие определенных продуктов в натуре (например, средств производства, средств потребления для рабочих и т. д.), то процесс производства последних должен быть нами принят во внимание. И действительно, процесс этот привлекается Марксом в исследование, поскольку это необходимо для понимания процесса воспроизводства капитала. Например, нам известно, что в стоимости общественного продукта должна быть воспроизведена стоимость переменного капитала. Но переменный капитал затрачивается в виде заработной платы на покупку рабочей силы; заработная же плата расходуется рабочими на покупку средств потребления. Следовательно, из самой социальной природы переменного капитала вытекает необходимость наличия в общественном продукте количественно определенных частей, имеющих натуральную форму средств потребления для рабочих. Наличие таких частей и предполагается Марксом. Этим предположением Маркс в данном пункте и ограничивается, не считая нужным подвергать специальному анализу ту конкретную натуральную форму, которую имеет группа средств потребления рабочих.

Таким образом, в своих схемах воспроизводства Маркс никоим образом не занимается детальным анализом общественного продукта со стороны его натуральной формы или потребительной стоимости. Из сферы процесса производства потребительных стоимостей Маркс заимствует лишь несколько общих условий, связанных с процессом воспроизводства капитала; эти условия привлекаются им в исследование, поскольку это необходимо для понимания общественного строя процесса воспроизводства. И именно такого рода формулировки мы находим у Маркса в связи с его теорией воспроизводства. Как раз в применении к последней Маркс говорит, что «здесь мы имеем опять пример важности определения потребительной стоимости для определений экономической формы»⁹³. Почти в тех же словах Маркс выражает эту же мысль в другом месте: «При исследовании прибавочной стоимости как таковой натуральная форма продукта, т. е. прибавочного продукта, безразлична. При исследовании же действительного процесса воспроизводства она приобретает важность частью, чтобы понять самые формы этого процесса, частью же, чтобы понять влияние, оказываемое производством предметов роскоши и т. п. на воспроизводство. Здесь мы опять имеем пример того, что потребительная стоимость, как таковая, приобретает

⁹¹ Там же, стр. 282.

⁹² Там же, стр. 313—314.

⁹³ «Theorien», т. II, ч. 2-я, стр. 258.

экономическое значение»⁹⁴. Как ясно видно из этих формулировок Маркса, потребительная стоимость принимается во внимание постольку, поскольку она имеет значение для изучения «определений экономической формы», т. е. производственных отношений людей.

Этим объясняется то обстоятельство, что Маркс и Энгельс не включали условия потребления в предмет исследования политической экономии, хотя, как мы уже неоднократно убеждались, никоим образом не игнорировали процесса потребления. В своем «Введении к Критике политической экономии» Маркс проводит ту мысль, что процесс воспроизводства включает в себя производство, обмен, распределение и потребление как свои подчиненные моменты. Читатель мог бы подумать, что процесс потребления должен быть включен в предмет исследования политической экономии на равных началах с процессами обмена и распределения. С таким мнением нельзя согласиться. Прямые указания на этот счет мы находим как у Маркса, так и у Энгельса. В предисловии к I тому «Капитала» Маркс писал: «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения **производства и обмена**». О процессе потребления здесь нет речи. Правда, Маркс не упоминает и отношений распределения, но если мы вспомним, что распределительные отношения представляют собой лишь другую сторону производственных отношений, то необходимость включения их в предмет исследования политической экономии станет очевидной. И действительно, прямые указания на этот счет мы находим у Энгельса в «Анти-Дюринге». Политическая экономия в широком смысле слова определена Энгельсом как «наука об условиях и формах **производства и обмена** продуктов в различных человеческих обществах и о соответствующих способах **распределения** этих продуктов»⁹⁵. И в данной формуле, подробно перечисляющей различные стороны предмета исследования политической экономии, процесс потребления не включен в последний⁹⁶. Процесс потребления не составляет непосредственного предмета анализа в марксовой политической экономии, а принимается во внимание лишь постольку, поскольку это необходимо для познания капиталистического процесса воспроизводства в его целом, с соответствующими ему отношениями производства, обмена и распределения.

2) Формальная потребительная стоимость

Наряду с потребительной стоимостью в тесном смысле слова, мы встречаем в учении Маркса это же понятие, употребляемое в другом смысле. Если в начале «Капитала» Маркс указывает, что в капиталистическом обществе потребительная стоимость приобретает особую общественную форму меновой стоимости и таким образом становится товаром, то совсем другое он имеет в виду, когда говорит, например, о потребительной стоимости денег (именно как денег, а не как металла). В этом случае уже не потребительная стоимость приобретает особую общественную форму (это имеет силу лишь для потребительной стоимости металла, из которого изготовлены деньги, а не для самих денег), а сама **общественная форма** данного предмета приобретает для товаропроизводителя особую **потребительную стоимость** благодаря тому, что она дает ему возможность обменять данный предмет на любой другой. В этом случае потребительная стоимость зависит не от натуральных свойств предмета, а представляет собой общественное свойство, всецело порожденное общественной формой хозяйства, т. е. характером господствующих в нем производственных отношений между людьми.

На второй странице «Критики политической экономии» мы встречаем следующую туманную фразу: «Потребительная стоимость в этом своем безразличии к экономическому определению формы, т. е. потребительная стоимость как потребительная стоимость, находится вне области исследования политической экономии. К области последней потребительная стоимость принадлежит лишь тогда, когда она сама есть определение формы»⁹⁷. Эта фраза на первый взгляд кажется столь туманной и непонятной, что П. Румянцев, первый переводчик «Критики», счел нужным перевести ее следующим образом: «К области последней она [потребительная стоимость] принадлежит лишь постольку, поскольку она сама **определяет** экономические формы». Сама по себе мысль, выраженная П. Румянцевым, не может вызывать особых возражений. Действительно, в тех случаях, когда потребительная стоимость влияет определяющим образом на экономические формы, она должна быть нами исследована в целях правильного познания этих экономических форм. Но дело-то в том, что как раз в данном месте Маркс говорит совсем не об этом. Как это видно из буквального текста его фразы, он говорит не о потребительной стоимости, которая **определяет** экономические формы, а о потребительной стоимости, которая **«сама есть** определение формы».

На первый взгляд эта фраза кажется очень темной, но она вполне разъясняется, если мы обратимся к стр. 84—86 «Критики», где Маркс говорит о потребительной стоимости денег: «Последняя [т. е. потребительная стоимость всеобщего эквивалента] сама представляет собой **определенность формы**, т. е. она вытекает из той специфической роли, которую этот товар играет благодаря всестороннему действию на него других товаров в процессе

⁹⁴ «Theorien», т. III, стр. 298.

⁹⁵ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 138.

⁹⁶ Нам могут возразить, что в приведенной формулировке Энгельс говорит о политической экономии в широком, а не в узком смысле слова. Но как раз в данном пункте он не проводит между ними различия.

⁹⁷ Нам могут возразить, что в приведенной формулировке Энгельс говорит о политической экономии в широком, а не в узком смысле слова. Но как раз в данном пункте он не проводит между ними различия.

обмена» (выделение наше. — *И. Р.*). Очевидно, что уже на второй странице «Критики» Маркс под потребительной стоимостью, которая сама «есть определение формы», имел в виду потребительную стоимость денег, которая обусловлена не натуральными свойствами металла, из которого сделаны деньги, а общественной функцией последних. Так как эта потребительная стоимость не является потребительной стоимостью в тесном смысле слова, т. е. обусловленной натуральными свойствами продукта, а представляет собой общественную форму вещи, выражающую производственные отношения между людьми, то она является непосредственным предметом исследования политической экономии.

Понятие потребительной стоимости в расширительном, чисто общественном смысле употребляется Марксом не только в применении к деньгам; в том же смысле он говорит о потребительной стоимости рабочей силы, о потребительной стоимости ссужаемого денежного капитала. Понятие потребительной стоимости во всех этих случаях имеет чисто общественный характер и употребляется Марксом в особом смысле, в каком оно совершенно не встречается в сочинениях буржуазных экономистов. Мы должны поэтому выяснить данное понятие и отметить те важнейшие случаи, когда оно употребляется Марксом.

а) Потребительная стоимость денег Выше мы уже видели, что само производство продуктов для обмена вызывает «разделение между полезностью вещи для непосредственного потребления и полезностью ее для обмена»⁹⁸. Вещь, помимо своей непосредственной полезности в качестве предмета потребления, приобретает для ее владельца особую полезность, заключающуюся в ее способности к обмену на другие необходимые ему продукты. Если производитель производит продукт исключительно для продажи, то, в сущности говоря, только меновая стоимость этого продукта представляет для него полезность. «Для владельца вся его непосредственная потребительная стоимость заключается лишь в том, что он есть носитель меновой стоимости и, следовательно, средство обмена»⁹⁹. В этой фразе ярко проявляется диалектический ход мысли Маркса. Если в условиях товарного хозяйства потребительная стоимость приобретает характер меновой стоимости, то и обратно: меновая стоимость продукта приобретает для его владельца особую полезность или потребительную стоимость, давая ему возможность получить в обмен за данный продукт необходимые ему средства потребления.

С выделением всеобщего эквивалента из среды всех других товаров, за ним закрепляется эта специфическая потребительная стоимость, заключающаяся в его способности к непосредственному обмену на любой другой товар. Появляется специфическая потребительная стоимость денег. «Товар, выделенный в качестве всеобщего эквивалента, удваивает свою потребительную стоимость. Помимо своей особенной потребительной стоимости в качестве особенного товара, он приобретает всеобщую потребительную стоимость. Последняя сама представляет собой определенность формы, т. е. она вытекает из той специфической роли, которую этот товар играет благодаря всестороннему действию на него других товаров в процессе обмена»¹⁰⁰. «Потребительная стоимость денежного товара удваивается. Наряду с особенной потребительной стоимостью, принадлежащей ему как данному товару, — так, например, золото служит для пломбирования зубов, является сырым материалом для предметов роскоши и т. д., — он получает формальную потребительную стоимость, вытекающую из его специфически общественных функций»¹⁰¹. В другом месте Маркс называет потребительную стоимость денег «функциональной»¹⁰².

Это обозначение потребительной стоимости денег как «формальной» или «функциональной» вполне понятно. Специфическая потребительная стоимость денег вытекает из той особой общественной формы или функции, которую данный предмет выполняет в качестве всеобщего эквивалента. Только в товарном хозяйстве с присущей ему системой производственных отношений людей появляется всеобщий эквивалент с присущей ему формальной потребительной стоимостью.

Само собой понятно, что потребительная стоимость денег коренным образом отличается от потребительной стоимости в тесном смысле, которой обладают другие товары. «Потребительная стоимость каждого товара, как предмета особенной потребности, имеет различную стоимость в различных руках; например, в руках лица, отчуждающего товар, она имеет другую стоимость, чем в руках того лица, которое его покупает. Товар же, выделенный в качестве всеобщего эквивалента, является теперь предметом всеобщей потребности, вырастающей из самого процесса обмена, и имеет для всех ту же самую потребительную стоимость, заключающуюся в его способности быть носителем меновой стоимости, всеобщим средством обмена»¹⁰³. Всеобщая потребность в деньгах есть нечто совершенно иное, чем потребность, которую индивид испытывает в тех или иных предметах потребления. Предметы потребления нужны товаропроизводителю как индивиду; потребность же в деньгах характеризует именно природу его как товаропроизводителя. Поэтому потребность в деньгах есть чисто общественная потребность в том смысле, что она возникает только при определенной, а именно товарной, форме хозяйства. Маркс поэтому

⁹⁸ «Капитал», т. I, стр. 44.

⁹⁹ Там же, стр. 42.

¹⁰⁰ «Критика», стр. 84—85. Выделение наше — *И. Р.*

¹⁰¹ «Капитал», т. I, стр. 46. Выделение наше. — *И. Р.*

¹⁰² «Theorien», т. III, стр. 531.

¹⁰³ «Критика», стр. 85.

писал в подготовительных работах к «Святому семейству»: «Потребность в деньгах есть истинная, порожаемая политической экономией потребность, есть единственная потребность, которую она порождает»¹⁰⁴.

Итак, деньги обладают двумя потребительными стоимостями. Однако ни одна из них не служит непосредственно удовлетворению какой-нибудь конкретной потребности владельца денег. Конкретная потребительная стоимость денежного материала, например золота, может быть использована только в том случае, когда золото уже не служит в качестве денег: пока золото выполняет функцию денег, его конкретная потребительная стоимость не может быть использована. Но вместе с тем владелец денег не получает еще непосредственной полезности от специфической потребительной стоимости денег, заключающейся в их способности к обмену. Эта потребительная стоимость денег носит еще «идеальный» характер, так как она еще не реализована путем обмена на те конкретные потребительные стоимости, в которых нуждается товаропроизводитель для удовлетворения своих потребностей. Поэтому деньги характеризуются Марксом как «действительная меновая стоимость и лишь идеальная потребительная стоимость»¹⁰⁵. Эта идеальная потребительная стоимость должна быть еще реализована; «потребительная стоимость этого выделенного товара, хотя вполне реальная, в самом процессе обмена является только **формальным** бытием, которое еще должно реализоваться посредством превращения в действительные потребительные стоимости»¹⁰⁶. Формальная, функциональная, или идеальная потребительная стоимость денег должна быть еще реализована и найти свое воплощение в той конкретной потребительной стоимости, на которую деньги обмениваются. При обмене денег на холст последний представляет собой конкретное воплощение потребительной стоимости денег¹⁰⁷.

Как видим, о потребительной стоимости денег Маркс говорит в различном смысле. Во-первых, материал, из которого деньги изготовлены, обладает конкретной потребительной стоимостью, например золото для пломбирования зубов, выделки украшений и т. д.; во-вторых, деньги обладают формальной, или функциональной, потребительной стоимостью, которая удовлетворяет «всеобщей потребности» и вытекает из общественной функции, выполняемой деньгами в товарном обществе; в-третьих, под потребительной стоимостью денег можно понимать потребительную стоимость тех товаров, которые покупаются при помощи этих денег.

б) Сокровище В простом товарном хозяйстве товаропроизводитель стремится выручить из продажи своего продукта возможно большую сумму денег, но последняя служит ему для покупки необходимых предметов потребления. Следовательно, формальная потребительная стоимость денег играет здесь лишь роль представителя конкретной потребительной стоимости тех продуктов, которые будут куплены товаропроизводителем. Меновая стоимость является представителем потребительной стоимости. Но уже в пределах простого товарного хозяйства товаропроизводитель вынужден производить ряд действий, непосредственной целью которых является сама формальная потребительная стоимость денег (т. е. меновая стоимость), а не конкретная потребительная стоимость тех продуктов, которые могут быть куплены при помощи этих денег. В таком случае деньги уже перестают быть средством обращения, которое затрачивается на покупку необходимых предметов потребления. Эта перемена характера денег обнаруживается в функции их как сокровища и платежного средства. Вначале Маркс указывает, что необходимость задержки товаропроизводителем денег, вырученных от продажи продукта, диктуется необходимостью удовлетворения его личных потребностей. Потребности товаропроизводителя вновь и вновь заявляют о себе и непрерывно побуждают его покупать чужие товары, в то время как производство и продажа его собственного товара имеет место в определенные сроки и зависит от случайностей¹⁰⁸. Поэтому часть вырученных денег товаропроизводитель временно задерживает у себя, чтобы постепенно тратить их по мере надобности для удовлетворения своих потребностей. В данном случае деньги выполняют только роль «задержанной монеты» (т. е. временно остановившегося средства обращения), а не роль сокровища.

Последнюю роль деньги начинают выполнять лишь с того момента, когда они извлекаются из обращения именно для того, чтобы сохранить меновую стоимость в ее непосредственно общественной форме. Маркс показывает, что самый факт появления и распространения товарного обращения уже вызывает к жизни «необходимость и страстное стремление» удерживать у себя деньги в качестве сокровища¹⁰⁹. Один только факт возможности удерживать в своих руках меновую стоимость в ее денежной форме вызывает страстное стремление и потребность задержать деньги; «вместе с возможностью удерживать товар как меновую стоимость или меновую стоимость как товар пробуждается жажда золота»¹¹⁰. Деньги представляют собой огромную общественную силу, и эта «общественная сила становится частной силой частного лица»¹¹¹. Страсть к накоплению денег сама вызывается фактом существования денег, т. е. вытекает из определенной общественной формы хозяйства. «Деньги являются настолько же **предметом**, как и **источником** страсти к обогащению»¹¹².

¹⁰⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. III, стр. 654.

¹⁰⁵ «Критика», стр. 190; «Капитал», т. I, стр. 58.

¹⁰⁶ «Критика», стр. 85. Выделение наше. — И. Р.

¹⁰⁷ «Капитал», т. I, стр. 60.

¹⁰⁸ «Капитал», т. I, стр. 79.

¹⁰⁹ Там же, стр. 78.

¹¹⁰ Там же, стр. 79.

¹¹¹ Там же, стр. 80.

¹¹² «Критика», стр. 182. Выделение наше, — И. Р.

Как видим, объективный общественный факт — возникновение и распространение товарного производства и денежного обращения — является источником появления и распространения новых человеческих страстей, новых потребностей, новых мотивов действий. Действие товаропроизводителя, продающего свой продукт с целью накопления сокровища, уже коренным образом отличается по своему характеру и по своим мотивам от действия товаропроизводителя, который продает свой продукт с целью на вырученные деньги купить необходимые предметы потребления. Действие последнего товаропроизводителя направляется его стремлением к удовлетворению личной потребности; действие первого товаропроизводителя направлено к удовлетворению его потребности в деньгах, т. е. потребности, которая появилась и выросла только вместе с определенной общественной формой хозяйства. «Благодаря одному тому факту, что товаровладелец может удержать товар в его форме меновой стоимости или же самую меновую стоимость как товар, обмен товаров с целью получить их обратно в превращенной форме золота становится мотивом самого обращения. Метаморфоз товара Т—Д совершается ради самого этого метаморфоза, с целью превратить товар из особенного натурального богатства во всеобщее общественное богатство. Вместо обмена веществ самоцелью становится перемена форм. Из простой формы меновая стоимость превращается в содержание движения»¹¹³.

Вновь возникшая потребность, потребность в деньгах, не только действует наряду с личными потребностями товаропроизводителя; она стремится вытеснить их и занять их место. Чтобы накапливать деньги, товаропроизводитель должен возможно больше продавать и возможно меньше покупать; он должен ограничить удовлетворение своих личных потребностей. «Созидатель сокровищ приносит потребность своей плоти в жертву золотому фетишу; он берет всерьез евангелие отречения»¹¹⁴. «Естественные» потребности индивида оттесняются на задний план его новой, чисто социальной потребностью иметь в своих руках огромную общественную силу, представляемую деньгами. «Так как он хочет удовлетворить все социальные потребности, то он едва удовлетворяет свои естественные потребности»¹¹⁵.

Потребность в накоплении сокровищ по самой природе своей безгранична, в отличие от личных потребностей индивида, которые всегда имеют конкретный характер и для своего удовлетворения требуют конкретных продуктов. «Образование сокровищ не имеет в самом себе никакой присущей ему внутренней границы, никакой меры, но есть бесконечный процесс, который в каждом достигнутом им результате находит мотив своего начала. Если сокровище умножается только через сохранение, то, с другой стороны, оно сохраняется только через умножение»¹¹⁶. Чем больше потребность в накоплении сокровищ удовлетворяется, тем сильнее она действует, требуя дальнейшего накопления сокровищ. Накопление сокровищ, следовательно, представляет собой действие, имеющее тенденцию к постоянному повторению, а потребность в деньгах представляет собой такую потребность, которая не удовлетворяется раз достигнутым результатом. Постоянно повторяющееся действие накопления сокровищ сообщает определенную печать данному индивиду, делает из него определенный социальный тип «профессионального собирателя сокровищ», придает ему, как выражается Маркс, определенный «экономический характер». Этот собиратель сокровищ отличается и определенным психическим укладом, который не раз получал в мировой литературе яркое изображение. **Скупость** не только становится главным жизненным стимулом собирателя сокровищ, она санкционируется и освящается религией, ее стараются поощрять отцы церкви в своих увещаниях и меркантилисты в своих сочинениях¹¹⁷. Пуританское вероучение с его суровой проповедью бережливости и аскетизма отражало потребность раннего капиталистического хозяйства в более широком накоплении сокровищ.

Распространение и усиление функции денег как сокровища знаменует собой новый этап в истории человеческих потребностей. Оно свидетельствует о распространении и усилении специфической, формальной потребительной стоимости денег. Если потребность в деньгах как средстве обращения лишь отражала потребность товаропроизводителя в предметах потребления, то потребность в деньгах как сокровище не носит уже «естественного» характера, а сама порождается общественной формой хозяйства, а именно распространением товарного производства и обращения. Функционирование денег в роли сокровища сопровождается появлением совершенно новых, «формальных» потребностей, которые присущи только товаропроизводителю, а не индивиду вообще. Потребность в деньгах является уже самоцелью действия товаропроизводителя, а не прикрывает собой только его стремление к удовлетворению личных потребностей. Больше того, потребность в деньгах стремится к оттеснению «естественных» потребностей индивида в предметах потребления. Меновая стоимость становится уже самоцелью, а не только представителем потребительной стоимости. Это оттеснение потребительной стоимости на задний план обнаруживается не только в действии отдельных товаропроизводителей, но и в характере всего процесса производства. Если раньше размеры производства простого товаропроизводителя определялись размером его личных потребностей, подлежащих удовлетворению, то теперь эти границы для производства уже отпадают. Товаропроизводитель, задерживающий и накапливающий деньги как сокровище, должен расширять производство, поскольку это возможно при наличии еще отсталых и несовершенных средств производства. «Накопление денег ради денег представляет

¹¹³ Там же, стр. 177.

¹¹⁴ «Капитал», т. I, стр. 81.

¹¹⁵ «Критика», стр. 184.

¹¹⁶ Там же, стр. 182.

¹¹⁷ «Капитал», т. II, стр. 25.

собой варварскую форму производства ради производства, т. е. развития производительных сил человеческого труда **за пределы традиционных потребностей**»¹¹⁸.

в) Платежное средство Дальнейшее усиление потребности в самих деньгах мы видим при появлении новой функции денег, а именно платежного средства. Товаропроизводитель, который купил товар в кредит, должен теперь продать свой собственный продукт не для того, чтобы на вырученные деньги купить необходимые предметы потребления, а для того, чтобы при помощи вырученных денег погасить свой долг. Деньги уже не являются для него представителем потребительной стоимости или предметов потребления, они представляют собой самоцель. Товаропроизводитель нуждается теперь не в конкретных потребительных стоимостях, а в той специфической формальной потребительной стоимости, которой обладают деньги.

По сравнению с сокровищем функция денег как платежного средства свидетельствует о дальнейшем усилении того значения, которое для товаропроизводителя имеет формальная потребительная стоимость денег. Поскольку речь шла о собирателе сокровищ, от его произвола зависело, задержать ли деньги у себя или затратить их на покупку предметов потребления. Если же деньги должны выполнить роль платежного средства, товаропроизводитель уже вынужден употребить деньги для этой цели и не может затратить их на свое личное потребление. Он должен превратить продукт в деньги, а деньги, в свою очередь, нужны ему для уплаты долга, т. е. должны служить в качестве формальной потребительной стоимости. «Первоначально превращение продукта в деньги в обращении являлось только индивидуальной необходимостью для товаровладельца, поскольку его продукт не представляет для него потребительной стоимости, но еще должен сделаться таковой через свое отчуждение. Но, чтобы уплатить в обусловленный договором срок, он должен раньше продать товар. Таким образом, благодаря движению процесса обращения продажа превратилась для него в **общественную необходимость** совершенно независимо от его **индивидуальных потребностей**... Превращение товара в деньги как завершающий акт, или первый метаморфоз товара как самоцель, — метаморфоз, который в процессе образования сокровищ, казалось, зависел от прихоти товаровладельца, — теперь сделался экономической функцией. Мотив и содержание продажи для возможности уплаты представляет собой содержание процесса обращения, возникающее из самой формы этого последнего»¹¹⁹.

Само развитие товарного обращения вызывает появление новой потребности, потребности в деньгах для уплаты; эта потребность в деньгах имеет своим условием распространение товарного производства и обращения и усиление той формальной потребительной стоимости, которая присуща деньгам. Потребность в деньгах как платежном средстве независима от личных потребностей товаропроизводителя и представляет собой чисто социальную потребность, которая возникает только при данной системе производственных отношений людей и всецело подчиняет себе товаропроизводителя. Действия товаропроизводителя подчиняются законам общественной необходимости; эта необходимость носит экономический характер, так как необходимость уплаты долга вынуждается всей системой отношений людей как товаропроизводителей. Но эта экономическая необходимость находит также свою санкцию в юридической необходимости; товаропроизводитель знает, что, в случае отказа от уплаты долга, его имущество будет подвергнуто принудительной продаже на основании закона¹²⁰. Подобно тому как действия собирателя сокровищ освящались религией, взаимоотношения между товаропроизводителем-кредитором и товаропроизводителем-должником регулируются правом¹²¹.

Мы видели, что деньги как сокровище уже не являлись для товаропроизводителя представителем конкретных потребительных стоимостей, а, наоборот, конкретные потребительные стоимости имели для него значение лишь постольку, поскольку они представляли всеобщее богатство — деньги. Точно так же и для товаропроизводителя, который продает свой продукт с целью погасить сделанный им раньше долг, конкретные потребительные стоимости играют лишь роль представителя абстрактного богатства — денег. Поэтому всякая невозможность продажи продукта в периоды кризиса равносильна для него полному обесценению потребительной стоимости. В моменты денежного кризиса потребительные стоимости представляются чем-то совершенно бесполезным по сравнению с наличными деньгами¹²².

Итак, распространение денег в роли платежного средства означает усиление и распространение потребности в деньгах ради их специфической формальной потребительной стоимости. Потребность эта независима от личных потребностей отдельных товаропроизводителей. Удовлетворение этой всеобщей потребности в деньгах диктуется каждому отдельному товаропроизводителю в силу законов общественной необходимости; оно навязывается ему принудительно всей той сетью общественных производственных отношений, в которую он включен.

г) Потребительная стоимость рабочей силы Развитие товарного хозяйства вызывает появление новой потребительной стоимости, «формальной» потребительной стоимости денег. Но, как известно, на этом развитие

¹¹⁸ «Критика», стр. 184. Выделение наше. — *И. Р.*

¹¹⁹ Там же, стр. 191—192. Выделение наше. — *И. Р.*

¹²⁰ «Капитал», т. I, стр. 84.

¹²¹ «Критика», стр. 191.

¹²² Там же, стр. 198; «Капитал», т. I, стр. 85—86.

товарного хозяйства не останавливается. В результате экспроприации мелких производителей простое товарное хозяйство превращается в капиталистическое. В последнем деньги служат уже не только в качестве средства обращения, т. е. в качестве посредствующего звена при обмене одного продукта на другой, но также в качестве капитала. Возникновение и развитие капиталистических отношений вызывает появление новых видов «функциональной» или «формальной» потребительной стоимости. Поскольку речь идет о процессе производства капитала, самовозрастание последнего имеет своим источником эксплуатацию наемного труда, или рабочей силы. Рабочая сила является для капиталиста средством для извлечения прибавочной стоимости, или прибыли. В качестве такого средства рабочая сила приобретает для капиталиста особую потребительную стоимость, которая является формальной, или функциональной, в том смысле, что рабочая сила обладает ей только в условиях капиталистического хозяйства.

Потребительная стоимость рабочей силы состоит прежде всего в ее активных проявлениях, т. е. в труде¹²³. Потребительная стоимость рабочей силы обнаруживается «лишь в процессе фактического использования, в процессе потребления рабочей силы»¹²⁴.

Капиталист покупает рабочую силу, которая в процессе производства проявляется в активной деятельности, в труде. Но так как труд в капиталистическом хозяйстве носит двойственный характер, то возникает следующий вопрос: состоит ли потребительная стоимость рабочей силы в ее способности быть источником конкретного труда или же труда абстрактного? Маркс дает на этот вопрос недвусмысленный ответ: «Стоимость рабочей силы и ее использование в процессе труда суть две различных величины. Капиталист, покупая рабочую силу, имел в виду это различие стоимости. Ее полезное свойство, ее способность производить пряжу и сапоги только потому были неизбежным условием, что для созидания стоимости необходимо затратить труд в полезной форме. Но решающее значение имела **специфическая потребительная стоимость** этого товара, его **свойство быть источником стоимости**, притом большей стоимости, чем имеет он сам. Это та специфическая услуга, которую ожидает от него капиталист»¹²⁵. Итак, специфическою потребительной стоимостью рабочей силы является ее свойство быть источником абстрактного труда, или стоимости.

Правда, в некоторых местах у Маркса встречаются выражения, которые на первый взгляд дают повод предполагать, что потребительная стоимость рабочей силы проявляется в конкретных трудовых актах, или в конкретном труде. Но Маркс всегда подчеркивает, что здесь конкретный труд выступает лишь как необходимое условие присвоения капиталистом абстрактного труда, или стоимости. «Не этот конкретный характер труда, не его потребительная стоимость как таковая, не то, что он представляет собой, например, работу кузнеца, сапожника, прядильщика, ткача и т. д., не это составляет его специфическую потребительную стоимость для капитала... эта стоимость обуславливается характером этого труда как творческого элемента по отношению к меновой стоимости, — она создается абстрактным трудом»¹²⁶.

Если бы мы считали потребительной стоимостью рабочей силы ее способность быть источником конкретного труда, мы никоим образом не могли бы провести различие между покупкой рабочей силы и покупкой услуг. А между тем Маркс считал необходимым провести резкое разграничение между этими двумя видами купли-продажи и считает только первый вид характерным спутником капиталистического хозяйства. «Рабочая сила покупается здесь не для того, чтобы ее действием или ее продуктами покупатель мог удовлетворить свои личные потребности. Цель покупателя — увеличение стоимости его капитала, производство товаров, которые содержат больше труда, чем он оплатил, следовательно содержат такую часть стоимости, которая для него ничего не стоила и которая, тем не менее, реализуется при продаже товара»¹²⁷. Поэтому покупку рабочей силы следует строго отличать от покупки так называемых «услуг», т. е. от покупки способности работника к конкретному труду, который служит удовлетворению личных потребностей покупателя. Наем рабочего-садовода капиталистом-владельцем большого садоводства является актом покупки рабочей силы, но если тот же капиталист нанимает работника-садовода для ухода за садом, расположенным в его имении, здесь имеет место не покупка рабочей силы, а покупка услуг. Маркс всегда упрекал представителей вульгарной политической экономии в смешении обоих этих видов покупки. «Вместо того чтобы говорить о наемном труде, говорят об «услугах»; это — слово, в котором уничтожена специфическая определенность наемного труда и его потребления, — а именно способность увеличивать стоимость товаров, на которые он обменивается, способность создавать прибавочную стоимость, — а тем самым уничтожено и специфическое отношение, благодаря которому деньги и товар превращаются в капитал. «Услуги» — есть труд, рассматриваемый только как **потребительная стоимость** (в капиталистическом производстве нечто побочное), подобно тому как в слове «продукт» уничтожена сущность **товара** и заключенного в нем противоречия»¹²⁸.

Итак, потребительной стоимостью рабочей силы является ее способность создавать стоимость. Поэтому рабочая сила и определяется Марксом как товар, потребительная стоимость которого обладает специфическим свойством

¹²³ «Капитал», т. I, стр. 115, 116, 126.

¹²⁴ Там же, стр. 116.

¹²⁵ Там же, стр. 132. Выделение наше. — *И. Р.*

¹²⁶ «Теории прибавочной стоимости», т. I, перев. под ред. г. Плеханова, 1906 г., стр. 326—327.

¹²⁷ «Капитал», т. I, стр. 490.

¹²⁸ «Theories, т. II, ч. 2-я, стр. 275.

быть источником стоимости¹²⁹. Но рабочая сила покупается капиталистом только потому, что она является источником большей суммы стоимостей, чем стоимость самой этой рабочей силы. Рабочая сила является не только источником стоимости, но и источником прибавочной стоимости, и именно получение последней и составляет ту цель, ради которой капиталист покупает рабочую силу. Поэтому Маркс часто определяет потребительную стоимость рабочей силы как ее способность создавать избыток стоимости, или прибавочную стоимость. «Потребительная стоимость рабочей силы для промышленного капиталиста такова: потребляя ее, произвести больше стоимости (прибыль), чем какой она сама обладает и чего она стоит. Этот **излишек** стоимости есть **потребительная стоимость** рабочей силы для промышленного капиталиста»¹³⁰.

После изложенного легко понять, что потребительная стоимость рабочей силы также носит формальный, или функциональный, характер, как и потребительная стоимость денег. Способностью быть источником стоимости и прибавочной стоимости рабочая сила обладает только в определенной социально-экономической формации, при наличии определенной системы производственных отношений людей. Когда Маркс говорит о специфической потребительной стоимости рабочей силы, он имеет в виду не ее техническую способность быть источником конкретного труда, а ее общественную способность быть источником абстрактного труда, или стоимости. Эта потребительная стоимость носит формальный характер, так как она вытекает из той специфической формы наемного труда, которая присуща капиталистическому хозяйству.

д) Потребительная стоимость ссудного денежного капитала Только благодаря эксплуатации рабочей силы в процессе производства класс капиталистов в целом извлекает прибавочную стоимость. Но с разделением этого класса на капиталистов промышленных и денежных последние получают возможность извлекать прибавочную стоимость в виде процента, не участвуя непосредственно в организации процесса производства. Денежный капиталист ссужает свой денежный капитал промышленнику, от которого и получает часть извлекаемой последним прибавочной стоимости в виде процента. Для промышленного капиталиста получаемая им в ссуду денежная сумма имеет особую потребительную стоимость, заключающуюся в ее способности быть источником прибавочной стоимости. «Что же это за потребительная стоимость, которую денежный капиталист отчуждает на время ссуды и передает промышленному капиталисту, заемщику? Это — потребительная стоимость, которую деньги приобретают вследствие того, что они могут быть превращены в капитал, могут функционировать как капитал и что поэтому они производят в своем движении определенную прибавочную стоимость, среднюю прибыль... сверх того, что сохраняют свою первоначальную величину стоимости. Потребительная стоимость остальных товаров в конце концов потребляется и вместе с тем исчезает субстанция товара, а с нею и его стоимость. Товар-капитал, напротив, обладает той особенностью, что потреблением его потребительной стоимости его стоимость и потребительная стоимость не только сохраняется, но еще и увеличивается. Эту-то потребительную стоимость денег как капитала — способность производить среднюю прибыль — и отчуждает денежный капиталист промышленному капиталисту на то время, на которое он передает этому последнему право распоряжаться ссуженным капиталом»¹³¹.

Само собой очевидно, что эта потребительная стоимость ссужаемого денежного капитала носит формальный, или функциональный, характер, т. е. вытекает из капиталистической системы производственных отношений. «В отличие от обыкновенного товара эта потребительная стоимость сама есть стоимость, именно излишек величины стоимости в сравнении с ее первоначальной величиной, излишек, получающийся вследствие употребления денег как капитала. **Прибыль** есть эта **потребительная стоимость**»¹³². «Стоимость как таковая (процент) становится **потребительной стоимостью** капитала»¹³³.

Указанной потребительной стоимостью обладает капитал, отдаваемый в ссуду, т. е. капитал как товар. Но в развитом капиталистическом хозяйстве каждая более или менее значительная сумма денег может функционировать в качестве капитала. Поэтому указанная выше специфическая потребительная стоимость присуща не только капиталу как товару, но и деньгам как капиталу. В развитом капиталистическом хозяйстве каждая значительная сумма денег может рассматриваться как специфическая форма капитала и, в свою очередь, обладает способностью к превращению в капитал. Поэтому деньги, наряду с той формальной потребительной стоимостью, которой они обладают во всяком товарном хозяйстве (а именно способностью служить в качестве средства обращения, сокровища и платежного средства), приобретают в капиталистическом хозяйстве еще вторую формальную потребительную стоимость, заключающуюся в их способности служить источником прибавочной стоимости.

Само собой понятно, что потребительная стоимость капитала как товара и денег как капитала самым неразрывным образом связана с рассмотренной нами выше потребительной стоимостью рабочей силы. Если бы последняя не обладала свойством быть источником стоимости и прибавочной стоимости, источником последней не мог бы служить и денежный капитал, или деньги. Денежный капитал обладает способностью быть источником средней прибыли именно потому, что он может быть затрачен на покупку рабочей силы, которая обладает способностью

¹²⁹ «Капитал», т. I, стр. 110.

¹³⁰ «Капитал», т. III, ч. 1-я, стр. 272—273. Выделение наше. — *И. Р.*

¹³¹ Там же, стр. 272.

¹³² Там же, стр. 273. Выделение наше. — *И. Р.*

¹³³ Там же, стр. 275. примечание.

быть источником стоимости и прибавочной стоимости. «Так как на основе капиталистического производства определенная сумма стоимостей, представленная в деньгах или товарах, — собственно в деньгах, этой превращенной форме товара, — дает власть извлечь из рабочих бесплатно определенное количество труда, присвоить себе определенную прибавочную стоимость, прибавочный труд, прибавочный продукт, — то ясно, что сами деньги могут быть проданы как товар, но как товар особого рода»¹³⁴.

Таким образом, **потребительная стоимость** капитала как товара имеет своим источником **потребительную стоимость рабочей силы**. Однако на поверхности рынка эта внутренняя связь явлений затушевывается и скрывается благодаря обособлению класса денежных капиталистов от промышленных. Так как денежный капиталист непосредственно не занят в процессе производства и не покупает рабочей силы, возникает иллюзия, что денежный капитал сам по себе способен порождать процент, совершенно независимо от использования его для покупки рабочей силы, занятой в процессе производства.

Так как потребительная стоимость ссудного денежного капитала имеет своим источником рабочую силу, то неудивительно, что между обоими можно провести известную аналогию. «В этом смысле имеется известная аналогия между деньгами, отданными таким образом в ссуду, и рабочей силой, взятой в ее отношении к промышленному капиталисту... Потребительная стоимость рабочей силы для промышленного капиталиста такова: потребляя ее, произвести больше стоимости (прибыль), чем какой она сама обладает и чего она стоит. Этот излишек стоимости есть потребительная стоимость рабочей силы для промышленного капиталиста. Точно так же потребительной¹³⁵ стоимостью ссужаемого денежного капитала является его способность присоединять и увеличивать стоимость»¹³⁶. Об этом же Маркс говорит в другом месте: «Потребительная стоимость денег, как и рабочей силы, заключается здесь в том, чтобы создавать меновую стоимость, большую меновую стоимость, чем заключенная в них самих»¹³⁷.

Мы начали с потребительной стоимости денег и ей же закончили. Но если первоначально деньги выступали как деньги, то теперь они играют роль капитала. Если потребительная стоимость денег как денег вытекала из особенностей товарного хозяйства, то потребительная стоимость денег как капитала вытекает из особенностей капиталистического хозяйства. В обоих случаях сама социальная форма товара (т. е. деньги) приобретает особую специфическую потребительную стоимость. В отличие от потребительной стоимости, которая присуща конкретному продукту независима от определенной общественной формы процесса производства, в данном случае речь идет о потребительной стоимости, являющейся результатом специфической общественной формы хозяйства. Эта потребительная стоимость носит функциональный, или формальный, характер.

¹³⁴ «Theorien», т. III, стр. 524.

¹³⁵ В русском переводе «Капитала», т. III, ч. 1-я, на странице 273, вместо «потребительной» ошибочно напечатано «прибавочной».

¹³⁶ «Капитал», т. III, ч. 1-я, стр. 272—273.

¹³⁷ «Theorien», т. III, стр. 528.